

БИБЛИОТЕЧКА ЖУРНАЛА

СОВЕТСКИЙ ВОИН

ВЯЧЕСЛАВ
ТИМОФЕЕВ

ДЕВУШКА ИЗ АУЛА

Автор предлагаемой книги полковник в отставке Вячеслав Арсеньевич Тимофеев — один из старейших военных летчиков нашей страны. Начав летать в 1923 году на четырехколесном «Вуазене», он освоил более двадцати типов самолетов, совершил на них свыше 10 800 полетов. В рядах советской авиации он прошел путь от рядового летчика до командира штурмовой авиационной дивизии в годы Великой Отечественной войны.

Еще в 1914 году шестнадцатилетним пареньком В. А. Тимофеев вступил в партию

большевиков, вел подпольную работу в Самаре, Петрограде, Перми, Невьянске. В годы гражданской войны сражался против войск атамана Дутова, в контрразведке Первой революционной армии, на Южном фронте...

Прожита большая, трудная и честная жизнь.

О ней он поведал в своих давно уже получивших признание читателя документальных повестях «На незримом посту», «Штурмовики», «Товарищи летчики», в очерках и рассказах часть из которых в настоящей книге. В них автор вспоминает о своих встречах с людьми разных поколений и судеб. Собранные вместе, они воссоздают не только образы многих людей и образ самой эпохи, но и яркий образ их автора, коммуниста и патриота своей Родины.

Маршал авиации С. И. РУДЕНКО

Вячеслав ТИМОФЕЕВ

ДЕВУШКА ИЗ АУЛА

Главное
политическое управление
Советской Армии
и Военно-Морского Флота

№ 5/756 1980 г.

Основана в 1942 году.
Выходит один раз в месяц.

ТАЛГАТ — ВНУК БЕГЕЛЬДЫ

Теплое весеннее утро.

Доносятся трепетные голоса жаворонков, повисших в хрустальной выси, а в разных концах города Фрунзе — пение медных труб. Звуки неба и земли сливаются в торжественную симфонию.

Я стою перед отлитым из металла бюстом. Люди называют его памятником, хотя он поставлен живому человеку — дважды Герою Советского Союза летчику-штурмовику Талгату Бегельдинову в честь совершенных подвигов. Пионерский горн возвещает о начале торжества. Отряд за отрядом проходят пионеры, возлагая к подножию букеты чудесных живых цветов — белых, розовых, желтых, красных, голубых...

— Почему нет речей? — спрашиваю стоящего рядом пожилого казаха.

— Ха! Не знаешь нашего Талгата? — удивляется тот. — Внук Бегельды не признает красивые слова. Слова, говорит он, замените красивыми делами. А красивые дела у нас есть — и на целинных землях, и вообще в нашем хозяйстве народном. Понял?

— А сам Бегельдинов здесь?

— Гляди вон туда! Видишь, под деревом человек с двумя звездами на груди и рядом красавица? Это жена Талгата. А впереди дочки и сын...

Но сколько я ни вглядываюсь, среди множества людей так и не вижу героя.

— Не видишь? Тогда обожди немного, — отвечает казах, — должно быть, укрылся за спину жены. Это бывает с ним, когда стесняется. Видишь, сколько народу... И каждый во все глаза смотрит. Эх, не хватает еще у людей сочувствия...

Так после долгих лет разлуки повстречался я с тем, кого знал еще в тяжелую пору войны, когда командовал школой военных летчиков.

Дело было в августе сорок первого. Мы с командиром эскадрильи стояли на старте и наблюдали за техникой пилотирования курсантов, переведенных в эскадрилью боевых самолетов.

— Маловат ростом, ногами до педалей не достает, — пожаловался комэск, указывая на смуглолицего юношу, похожего на подростка. — Недоразумение какое-то, а не курсант военной школы летчиков! Стоит ли возиться с ним?

«Воробышек в стае молодых орлят!» — подумал я, присматриваясь к стоящему в кругу товарищей курсанту.

— На отчисление?

— Так точно, на отчисление! — подтвердил комэск.

— Ну что ж, проверю! Пусть садится со мной в самолет!

В зоне «воробышек» сделал несколько фигур высшего пилотажа. Мне понравились глубокие виражи и боевые развороты, и я, опытный летчик, сразу понял, что отчислять курсанта по неуспеваемости нельзя.

Приземлившись, мы отошли в сторонку, устроились под крылом самолета, и я стал разбирать полет.

— Ай спасибо, товарищ начальник! — пробормо-

тал курсант и тем неповторимым жестом, который знают только на Востоке, приложил руку к сердцу.

— Откуда прибыл? — спросил я паренька.

— Из города Фрунзе, — ответил он, и глаза его засияли. — Бегельда звали моего деда...

Курсант заговорил торопливо о том, что его дед был батраком у знатного бая и безропотно гнул спину. Но однажды раб восстал против господина и был жестоко наказан. Посреди аула у шестистворной родовой юрты деда засекли насмерть...

— Да вы не спешите, — сказал я, с интересом всматриваясь в разгоряченное лицо курсанта.

— Не торопиться? — Он озорно прищурил глаза и с усмешкой сказал: — Если так, начну с другого конца...

Талгату было двенадцать лет, когда он впервые пришел домой из школы в пионерском галстуке.

— Э-э, да ты, сынок, стал партийным человеком! — сказал отец. — Тогда садись и слушай... Слушай и запоминай...

— В то лето над степями Казахстана стояла страшная жара. На пастбищах у подножия Ала-Тау чабаны так и не видели утренней росы. Жгучий зной с утра окутывал раскаленную землю. Аксакалы предсказывали засуху и падеж скота. «Не миновать джута в этом году!» — мрачно пророчили они.

Понеслись по степям тревожные предсказания мудрых стариков о надвигающемся голоде. Они распространялись с быстротой скачущего джигита от кишлака к аулу, со скоростью ветра перелетали через горы, вселяя в сердца людей леденящий ужас.

В кочевой аул приехал мулла. Совершая молитву, он призывал на помощь аллаха. Но небо оставалось ясным, тучи не приходили.

— В том, что нет дождя, виноват наш бай, — говорил в тот вечер Бегельда так громко, что слышал весь аул. — Бай не кормит нас, и за этот его грех аллах не посылает на землю дождя.

Бегельду схватили приспешники богача и со связанными руками привели к баю.

— Я вижу позор на твоём лице, грешник! Ты болел тяжёлым недугом, тебе надо исцелиться. Твой язык сказал про меня плохо, значит, в ответе твоя голова. Я — хозяин, ты — батрак. Скажу одно слово, и тебя засекут, как пойманного в стаде волка.

— Я ничего не сделал плохого, хозяин! — послышался гневный ответ батрака. — Я сказал правду, и ты это хорошо знаешь. У нас есть жены и, слава аллаху, дети — наша единственная радость. Но они голодны, как осиротелые козлята, и ходят в грязных лохмотьях. Табуны твои велики и пастбища обширны. Ты не знаешь счета скоту, а батраков не кормишь...

— Замолчи, собака! — крикнул, задыхаясь от бешенства, бай.

Стиснув зубы, Бегельда с разбегу ударил бая ногой в живот.

Тот взмахнул руками и мешком повалился на землю. На Бегельду набросились люди бая.

— Сожги свой позор на священном костре, и я сжалюсь над тобой, негодный человек! Я добрый и могу простить тебя! — сказал, опомнившись, бай.

Бегельда нечеловеческим усилием воли приподнял голову:

— Господин, подойди ко мне!

Когда бай склонился над ним, Бегельда плюнул ему в лицо и прошептал:

— Будь проклят ты и твое собачье племя... Моя честь выше смерти!

— Кончайте с ним! — крикнул бай, повернулся и торопливо зашагал к юрте.

...Отец Талгата замолчал, задумался. А потом, проведя рукой по голове сына, продолжил:

— Так окончил жизнь твой дед... А теперь слушай историю жизни твоей бабушки Айгерим...

Уже было решено баем и его прислужниками выставить тело твоего деда на поругание. Но в полночь, когда аул спал, Айгерим, прихватив нас, ребят, пробралась на скотный двор. С нами был дядя — брат Айгерим. При бледном свете луны мы увидели Бегельду. Он лежал вверх лицом, широко раскинув руки.

— Принеси чистой воды. Обмоем, завернем в полотно, пока темно, и унесем его, — сказала Айгерим брату.

Когда на Бегельду вылили ведро студеной воды, губы его зашевелились, дрогнули веки...

— Аллах милостив, он жив! — шепнула Айгерим, припав к мужу.

Бегельда застонал.

— Душа моя, тебе легче? — рыдала Айгерим.

Бегельда медленно открыл глаза, посмотрел на жену, сыновей.

— Отомстите! — прошептали его губы.

И он умер.

До рассвета успели его похоронить. Но прежде чем тронуться в обратный путь, четверо присели у свежей могилы. Первой поднялась Айгерим. «Жена без мужа и сыновья без отца, о... о... Бегельда!» Взяла за руки своих ребят, брат взвалил на плечи узел с вещами. Путь в родной аул Май-Балык был долг...

Шли годы.

Молодая вдова Айгерим таяла, как воск, на глазах у своих сыновей и, не дождавшись внуков, умерла весной в тот солнечный день, когда я и твой дядя

Юсубек, вернувшись с гор, принесли ей первые подснежники и свежий кумыс.

— Что сказать тебе о моей жизни, сынок? — спросил Якубек, трогая жесткими пальцами алый шелк пионерского галстука сына. — В поисках лучшей жизни мы с братом перебрались в город Верный. Но радости настоящей у нас и там не было. Только когда к Верному подошли красные полки Михаила Фрунзе, мы — наследники Бегельды — по завету отца поднялись против баев...

— Сын мой! — сказал Якубек, заканчивая повесть печали. — Я тоже сделал кое-что в этой борьбе... Посмотри!

Он развернул скатанную в трубочку бумагу и показал ее Талгату. То была справка, выданная партизану Якубеку Бегельдинову за подписью самого Фрунзе.

— Как сложится твоя судьба, не знаю, но долг мой сказать тебе и о завещании моей матери Айгерим: она хотела, чтобы дети и внуки ее были честными и грамотными людьми. Бери ты этот ее завет и неси на своих плечах! Молодым теперь суждено большое счастье...

— Ну а выполнена ли последняя воля Бегельды? Удалось ли тебе отомстить или ты отступил перед жестокой силой? — спросил я Талгата.

— Клянусь комсомольской честью, я оторвал бы голову любому баю, — горячо воскликнул Талгат, — но только где их взять?! Живого бая я и в глаза не видел...

— А разве фашисты, которые вторглись в нашу страну, не те же бай?

Мы готовили летчиков для смертельной схватки с самонадеянным, опытным и злобным врагом. А в

каких условиях учились и жили наши питомцы?.. Старое обмундирование, питание по голодной норме... Спали на нарах в три яруса в коровниках, кое-как приспособленных под жилье, в неотапливаемых «сельмагах» — сырых землянках, вырытых своими руками.

Трудные дни переживала наша страна.

За лишнюю минуту полета взыскивалось по всей строгости воинского устава, потому что бензин отпускался «с аптекарских весов». Школьные самолеты не отруливались на старт, а перекатывались курсантами вручную.

Наступили морозы.

С далеких гор, покрытых первым снегом, дул пронизывающий холодный ветер. В разрывах серых туч временами показывалось тусклое солнце, но, взглянув на мерзлую землю, тут же торопливо скрывалось. В жилищах температура воздуха упала ниже нуля, в классах замерзали чернила. Зимнее обмундирование и меховые комбинезоны давно отданы фронту. Чем обогревать курсантов?

...Верхом на лошади отправился я однажды к реке Сакмаре, чтобы проследить за заготовкой дров. Здесь тихо. В прозрачном воздухе громко отдается перестук дятлов. Его перебивают лишь частые удары топора. Вот качнулось дерево и с шумом повалилось, взметнув облако серебристых снежинок.

Талгат с чернявым грузином корчует пни.

— Все чудесно, да вот беда — в брюхе пусто.

— А точнее?

Бегельдинов улыбается, хитровато щуря маслины глаз.

— Хорошая сказка, да невеселая, — воскликнул Талгат и вновь заулыбался, показывая белые зубы. — Ну так и быть, слушай... В неделе семь дней, а в каждой летной группе — семь курсантов. Мы договори-

лись: один день в неделю один из нас будет наедаться досыта, остальным — что останется. Один день в неделю в животе полно, а шесть дней он отдыхает...

Я знал, что каждый грамм пищи находится под строгим контролем, знал, что на курсантской кухне давно не чистят картофель. Чтобы не было отходов, его варят в мундире. Но то, о чем я только что узнал, — новость.

Талгат сел, сложил ноги калачиком, посмотрел на небо.

— Перерыв, товарищ начальник...

Тут я узнал, как Талгат попал в военную школу летчиков.

...Тяжело жилось малограмотному казаху Якубеку Бегельдинову. Заработок уходил на питание, а на одежду оставались гроши. Талгат ходил в разбитых башмаках, в залатанных штанах.

— Пойду работать! — сказал он как-то отцу, но тот только рукой махнул: нет!

Талгату было тринадцать, когда он завоевал одно из первых мест на республиканских соревнованиях по запуску летающих моделей. В тот день подросток поздно вернулся домой и восторженно рассказал родителям о своей победе.

— Не хвались, душа моя, — перебила его тетка. — Кто знает, может быть, в этой штуке нечистая сила, она и помогает летать...

Талгат начал было толковать об устройстве модели и заикнулся о своей мечте стать летчиком, но мать всплеснула руками:

— Где это видано, чтобы сын батрака стал летчиком?!

— Учись на врача, будешь людям нести добро, — посоветовал отец.

Но заветная мечта не покидала Талгата.

Кто хочет, тот добьется!..

И настал день, когда Талгат впервые поднялся в небо. Правда, не один, а с инструктором аэроклуба. Но он сам управлял машиной, и облака проплывали над ним.

— Летаешь?! — воскликнула мать, прижав к груди сына. — Брось это опасное дело. Я найду тебе самую красивую невесту, женишься и будешь счастлив на земле, оставь помыслы о небе...

— Скажи, ради чего ты рвешься за птицами? — спрашивал отец. — Может быть, ради власти? Деньгам или чужой славе завидуешь? Власть портит слабых и приносит несчастье, богатство развращает, слава кружит голову... Подумай об этом, пока не поздно.

«Власть? — думал Талгат. — На что она мне? Слава? Я ее не ищу. Но я познал упоение полетом и теперь еще больше хочу стать летчиком! Деньги? Деньги, пожалуй, нужны. Хорошо бы новые ботинки да пиджак купить. Учительница как-то говорила: достоинство человека в труде. Деньги можно заработать и на земле... Но не для этого я хочу летать...»

Летом 1940 года Талгат окончил обучение в аэроклубе и был направлен в военную школу. Теперь он проходил летную практику на самолете СБ — готовился стать бомбардировщиком.

Мне довелось встречаться с ним и на фронте.

В августе 1943 года на полевом аэродроме между Курском и Орлом в прославленном штурмовом авиакорпусе генерала Рязанова проходила конференция по обмену боевым опытом. Мое внимание привлекла подпись под фотографией на стене: «Внезапный налет на эшелон. Ведущий лейтенант Степанов, ведомые Бегельдинов, Чепелюк, Шишкин...» На снимке — густое облако дыма, заволакивающее край станции. Отчетливо видны скелеты догорающих вагонов, белые язы-

ки пламени — это рвутся боеприпасы, а вокруг крошево из металла...

Бегельдинов? Талгат?

В перерыве у входа меня окликнул знакомый голос. Я оглянулся и увидел Талгата. Но это уже был не тот смуглолицый веселый юноша, которого я знал раньше. Правда, глаза были по-прежнему озорными, но на лбу пролегла суровая складка. Солдатский орден Славы и орден Отечественной войны украшали его грудь.

Вечер мы провели вместе. И хотя у меня за плечами уже был боевой опыт, я с большим интересом слушал рассказ Бегельдинова, отдавая должное его находчивости и храбрости.

— А случалось ли вам пугаться на фронте или волноваться? — спросил я.

Талгат задумался и, помедлив, ответил в смущении:

— Был такой случай. Возвращались мы как-то с боевого задания. Ведущий заметил, что немецкая мотопехота атакует наше затерявшееся в перелеске малочисленное подразделение. Мы всей группой бросились на выручку и, образумив врага, повернули домой. Я, замыкая группу, оглянулся и вижу, что фашисты вновь набросились на наших. «Ах так...» — думаю я. Развернул самолет и вместе с напарником давай их... Пришлось задержаться. Вернулись с опозданием. Мне основательно выпали за самовольство... Переволновался здорово!

И еще. Под Старой Руссой. Девять наших штурмовиков, в том числе и мой, шли в сопровождении восьми истребителей. У деревни Глухая Горюшка мы повстречались с шестьюдесятью немецкими бомбардировщиками и истребителями. Они летели тремя ярусами. Верхние сразу вступили в бой с нашими «ястреб-

ками», мы перестроились в оборонительный круг и стали отбиваться. Я видел, как, охваченный пламенем, самолет майора Русакова стал падать. За штурмовиком Шишкина тоже потянулась лента черного дыма. Завязался неравный бой... При выходе из пикирования каждый наш самолет подвергся атаке «мессеров», но мы все же выполнили задание.

Когда стали отходить, вновь началась страшная кутерьма. Не разберешь — где свои, где чужие. Мимо проносились то свои «ястребки», то «мессеры»... Кто-то из них падал на землю, кто-то горел...

Вдруг перед моим носом «юнкерс». Я ударил из пушек. Он задымил, и тут же какой-то истребитель подставил под мои пушки желтое пузо. Сгоряча нажал я на гашетку — «срубил» и этого... «Отомстил-таки за товарищей! — подумал я, и тут что-то кольнуло меня в сердце: — А не своего ли я сбил случайно? Мог ли «мессер» подставить себя под огонь моих пушек? Не наш ли шел под защиту штурмовиков? Не ужели ошибка?..»

Кое-как дотянул с перебитыми рулями и поврежденным стабилизатором до своего аэродрома.

Вечером прилетел офицер из штаба армии. Нас выстроили.

— Кто сбил истребитель? — спрашивает армейский офицер.

Все молчат. Ну, думаю, пропал Талгат.

— Товарищи, кто из вас сегодня сбил истребитель? Он упал на глазах командующего армией у наших арtpозиций... Признавайтесь!

Проходя перед строем, офицер взглянул на меня.

«Ты виноват, Талгат! Отвечай!» — подумал я и шагнул вперед.

— Я сбил истребитель, Бегельдинов... Виноват... Не по злему умыслу, случайно подвернулся...

— Ваш самолет номер 13? — улыбнулся офицер.
— Так точно, — подтвердил я.
— От имени Президиума Верховного Совета СССР командующий воздушной армией награждает вас, товарищ Бегельдинов, орденом...

Позднее я слышал о том, как над Днепром группа штурмовиков под командованием Бегельдинова вступила в схватку с бомбардировщиками Ю-88. Сам Бегельдинов сбил один «юнкерс». Шесть бомбардировщиков из тридцати были уничтожены летчиками Бегельдинова и Луганского.

В одиночку и в паре Талгат часто выполнял задания по разведке, участвовал в операциях под Корсунь-Шевченковским, летал над Молдавией, громил врага на сандомирском плацдарме, в Карпатах, под Берлином и Прагой.

В октябре 1944 года Талгату Бегельдинову было присвоено звание Героя Советского Союза. К этому времени он совершил около двухсот боевых вылетов, на его счету значилось несколько сбитых самолетов, большое количество уничтоженных танков, артиллерии и военной техники.

Талгат получил кратковременный отпуск по ранению и приехал во Фрунзе. На городском активе услышал, как один из выступавших жаловался на трудности. Талгат попросил слова.

— В тылу тяжело — это верно! Но разве на фронте легко? Что будет, если мы не выполним своего священного долга? Клянусь комсомольской честью, для любимой Родины не пожалею сил своих и жизни. Я еще не сделал всего, что подсказывает мое сердце. У внука Бегельды свои счета с фашистскими баями...

Перед наступлением на Берлин штурмовая диви-

зия, которой командовал я, и штурмовая дивизия, в которой служил Талгат, базировались рядом. Утром 26 апреля по заданию командующего армией генерал-полковника В. Цветаева я вылетел на разведку. Вскоре заметил два «ила» без прикрытия истребителей. Рыбак рыбака видит издалека! Летчики как бы играючи переложили самолеты с крыла на крыло и, развернувшись в мою сторону, стали набирать высоту. На хвосте ведущего штурмовика промелькнула цифра «13», а на фюзеляже пять звезд — свидетельство о пяти сбитых самолетах. Через минуту я потерял их из виду.

За городом Котбус мы опять встретились. Под разведчиками бушевал огонь. Я подлетел поближе. Два «ила», один за другим, пикировали на шоссе. На одном из штурмовиков я вновь увидел цифру «13». Он взмыл вверх, круто развернулся и знакомой «походкой» пошел мне навстречу.

Подо мной клочкотал котлован, объятый пламенем. В этом адовом котле горела с головы и хвоста мотоколонна. Пылали бронетранспортеры, цистерны, танки и автомобили, а вокруг металась попавшие в ловушку обезумевшие фашисты. Вот это работа! Такой удар не всегда под силу даже целой эскадрилье, а тут — дело двух летчиков...

Кто же эти герои?

Покрутив рычажок радиоприемника, слышу чуть протяжный голос: «Одиннадцать ноль пять, пункт сто десять, подождена мотоколонна. Капитан Бегельдинов продолжает разведку».

Так вот кого я встретил под номером «13», вот где судьба снова свела меня с моим бывшим курсантом! Тут и мне было чему поучиться у своего ученика!

В мае 1945 года Талгат Якубекович Бегельдинов, совершивший наибольшее количество боевых вылетов

на Ил-2 и сбивший наибольшее количество самолетов (из всех летчиков штурмовой авиации), был удостоен второй Золотой Звезды Героя.

Талгат сдержал свое слово.

После войны депутат Верховного Совета СССР, дважды Герой Советского Союза капитан Бегельдинов вернулся на родину и... малость задержался в родительском доме. На городском собрании Талгату приглянулась девушка с глазами ясными, с улыбкой застенчивой. Первый раз в жизни Талгат сдался...

С той поры прошло много лет. Бегельдинов окончил военную академию. Перед ним открывалась широкая дорога большой жизни. Однако ранения, контузия, полученные в бою, сделали свое. Приговор медиков неумолим: «К военной службе непригоден...» Но ведь столько благородных дел ожидает его на мирном поприще.

Годы упорной работы над собой принесли плоды — Талгат оканчивает индустриальный институт.

Боевыми подвигами в воздухе прославлял Талгат Бегельдинов нашу Родину, а теперь трудится на земле, где жили его предки и где благоденствуют его дети.

САМ ПОГИБАЙ, А ТОВАРИЩА ВЫРУЧАЙ

Получен новый приказ: «Всеми силами воспрепятствовать отходу вражеской группировки, отступающей на северо-запад от Варшавы. Уничтожайте переправы, наносите удары по местам скопления...»

Высланная авиаразведка подтвердила — большое скопление вражеских сил там, где Висла, обогнув Варшаву, устремила свои воды на север.

Смотрю на аэрофотоснимки: лесной массив, прижавшись к реке, образовал большую, покрытую снегом поляну. В лесу, вокруг поляны, в ожидании своей очереди на переправу прячется живая сила и техника врага.

— Это и есть наша цель! — говорю командирам полков. — Действуйте без промедления...

Опытнейший комэск Михаил Бердашкевич ведет свою группу на выполнение боевого задания. В составе его эскадрильи два неразлучных друга — летчики Андрей Коняхин и Виктор Хухлин.

Сегодня у них уже второй вылет — полкам дивизии приказано совершить более двухсот вылетов за час.

Коняхин и Хухлин знают, где их будут «приветствовать» зенитки, где могут встретить «мессера», какое скопление войск противника они увидят у переправы через Вислу.

— Снять предохранители! Разомкнуться по кругу! — командует ведущий.

Эскадрилья с разворота зашла на цель.

— Маневр, ребята! — передал по радио Бердашквич и устремился на переправу.

Первый заход был безрезультатным, на втором бомба ведущего, угодив в переправу, отломил часть понтона. Развернувшись вправо, Коняхин взглянул в сторону своего напарника: самолета Хухлина в поле зрения не было.

«Отстал», — подумал Коняхин, высматривая его в воздухе. Каково же было удивление Андрея, когда он увидел самолет друга планирующим на поляну. Поспешно бросив последнюю бомбу, Коняхин вышел из строя и полетел к самолету Хухлина. Не выпуская шасси, самолет друга низко пронесся над землей, увлекая за собой волну снежной пыли, и, скользя по замерзшей поверхности, остановился. Мотор его парит, винт покосился, крыло покорежено. «Подбит», — решил Коняхин.

Энергично переложив самолет с крыла на крыло, чтобы привлечь внимание ведущего, он пошел на снижение. Еще раз взглянул на землю, и сердце его сжалось: к самолету Хухлина со всех сторон бежали немцы.

Две пушки и два пулемета Коняхина, захлебываясь, застрочили по полю. На помощь подоспела группа штурмовиков. Построившись в круг, летчики встали на защиту попавшего в беду товарища.

Коняхин повел самолет на посадку. «Ил» коснулся снежного покрова неровного поля, подпрыгнул, будто на трамплине, и покатился дальше. Летчик открыл фонарь, высунулся из кабины. Увидев впереди траншею, резко нажал на левый тормоз. Самолет развернулся, завертелся на одной ноге.

Фашисты, почуяв двойную добычу, вновь побежали к самолетам.

«Возьму на испуг», — решил Андрей и, развернув машину в сторону бежавших, нажал на гашетки. Немцы бросились назад. Коняхин быстро подрулил к самолету Хухлина.

— Вылезайте живее! — крикнул он.

Пока Хухлин и стрелок выбирались из самолета и поджигали его, группа штурмовиков улетела. Бензин был на исходе, и ведущий больше не мог рисковать. Вновь немцы бросились в атаку. Пули забарабанили по броне. Спасаясь от наседавших автоматчиков, Хухлин со стрелком нырнули в заднюю кабину. Под треск автоматов Коняхин развернулся, дал полный газ. Штурмовик востропнулся и побежал навстречу высокой стене хвойного леса. В задней кабине теснились трое. Ни в одном бою экипаж не рисковал так, как при этом взлете.

Расстояние до опушки быстро сокращалось. «Неужели не вытянет?» — думал летчик. Его рука коснулась рычажка шасси, и самолет, точно птица, поджал ноги. Летчик дал форсированный газ. Левое крыло едва не коснулось запорошенной снегом высокой вершины ели. Воздушный поток смахнул с нее серебристо-синий иней. Самолет начал набирать высоту.

Наконец аэродром. Машина приземлилась, и винт сразу же остановился — бензин кончился. Хухлин вылез из самолета, подошел к сидевшему в кабине Андрею и обнял его.

Сбежавшиеся механики и летчики вытащили из кабины Коняхина и начали его качать.

— Да пощадите же вы, дьяволы! — орал Коняхин и раскатисто смеялся на весь аэродром.

Весть о подвиге Коняхина быстро облетела полки. На следующий день Андрея и Виктора осаждали кор-

респонденты и фоторепортеры армейских газет. На вопросы журналистов Коняхин отвечал односложно: «да», «нет»... Фотокорреспондентам пришлось еще хуже: Андрей наотрез отказался фотографироваться.

— Лучше не подходите, все равно не дамся, — заслоняясь рукой, заявил он.

Один фотокорреспондент изловчился было и чуть не щелкнул, но был пойман на месте. Рука Хухлина вцепилась в фотоаппарат. Летчик угрожающе потряс кулаком:

— Топай, пока Андрюшка не видел, а то мы не отвечаем за себя.

Корреспондент ретировался.

Коняхин не знал, чем отблагодарить друга. Ведь он серьезно верил: фотографирование на фронте к добру не приводит...

ДЕВУШКА ИЗ АУЛА

Я лечу из поселка Карловка в Краснодар, чтобы принять прибывший на пополнение 197-й штурмовой авиационной дивизии, которой я командую, 765-й штурмовой полк. Из донесения командира полка мне известно, что летчики и воздушные стрелки отличились в боях за освобождение Кавказа и при штурме укрепленных рубежей Голубой линии, у Новороссийска, Малой земли и Темрюка. Полк прошел славный путь от Москвы до Кавказских гор и вот теперь остановился на «капитальный ремонт».

Командир полка подполковник Заноздра представил своих питомцев на аэродроме перед выстроенными в линейку грозными Ил-2, прозванными немцами «черная смерть» за твердую советскую броню, мощь огня скорострельных пушек и пулеметов, бомб, за уничтожающий шквал реактивных снарядов, а главное, за отвагу и бесстрашие летчиков и воздушных стрелков, дерзко стремившихся в штурмовые атаки.

Офицеры и сержанты приоделись в бог весть который уже раз стиранные в реках, мытые дождями, сушеные на солнце гимнастерки, украсились начищенными до блеска орденами и боевыми медалями.

Всматриваясь в молодые мужественные лица, я с болью думаю о тех, кого здесь уже нет: в жарком кубанском небе, точно снежинки на теплом ветру, таяли стальные эскадрильи.

Рядом со мной вдоль строя полка идет подполковник Заноздра. Он неторопливо басит: кто из летчиков и воздушных стрелков отличился в бою, кто был ранен или контужен, кто отказался от госпитальной койки и остался в строю.

Я слушал, а мысли торопливо забежали вперед: «Герон! С этими ребятами можно в огонь и в воду!»

— Лейтенант Ликаренко! — представился мне командир звена — смуглолицый, плотного телосложения красавец.

— Воздушный стрелок Лена Ленская! — послышался приятный голос чернобровой симпатичной девушки. Она стоит плечо к плечу со своим летчиком, едва заметно улыбаясь.

— Не Лена Ленская, а старшина Богузокова *, — морща лоб, недовольно поправляет Заноздра. — Сколько раз я говорил вам, что Лена осталась на Кавказе, в строю полка вы — старшина! Понятно?

Он поворачивается ко мне и едва слышно шепчет:

— Черкешенка, то есть адыгейка!

— Адыгейка? — с удивлением переспросил я, глядя на девушку.

— Так точно! Из аула Хатукай заоблачной республики Адыгеи! — озорно бросила Лена, но, глянув на помрачневшего командира полка, насупила брови и стала крутить в кулаке голубой маленький платочек.

Что за наваждение! У командира экипажа медаль и значок авиахима, а на груди его воздушного стрелка боевой орден и две медали: «За отвагу» и «За оборону Кавказа».

Подполковник Заноздра перехватывает мой недоуменный взгляд и спешит пояснить:

* Ленская — фронтовой псевдоним Богузоковой.

— Ликаренко — бывший авиатехник, недавно переучился на летчика, новичок, но летает отлично, превосходно разбирается в тактике штурмовиков.

— А воздушный стрелок? За какие подвиги награждена орденом и столь высокой медалью? — интересуюсь я.

— За боевые отличия, товарищ гвардии полковник. В прошлом году над Голубой линией подбила два вражеских истребителя, отважно сражалась и над Малой землей...

— Давно в экипаже товарища Ликаренко? — спрашиваю девушку.

— Без году неделя, товарищ комдив! — хитровато улыбаясь, она качается с ноги на ногу, касаясь локтем своего летчика.

— Не понимаю, — пожимая плечами, говорю я.

— А чего тут понимать. Лейтенант-то мой только-только вернулся из школы летчиков... Авось наверстает!

Нахмутив брови, Заноздра сердито уставился на Ленскую. «Эка зарпортовалась...» — говорило выражение его лица, и он недовольно махнул рукой.

— Такая она и в бою! — холодно поясняет командир. И, помолчав, добавляет с отеческой улыбкой: — На ее счету около пятидесяти боевых вылетов... Недавно сбила «Фокке-Вульф-190».

— Молодчина! — хвалю я Ленскую и прошу хотя бы кратко рассказать о себе.

Девушке 22 года. Отца она не помнит, а мать вместе с бабушкой живут в родном ауле. Перед войной Лена училась в педагогическом институте, мечтала стать преподавателем русского языка и литературы, но грянула война и комсомолка Лена Богузокова отправилась на курсы воздушных стрелков...

Прошла неделя. Я снова собрался в Красноград,

чтобы ближе познакомиться с летчиками. Было еще одно дело. Рассказывали, что завтра в Красноградском загсе вступят в брак Петр Ликаренко и Лена Ленская. Хотелось поздравить молодоженов, пожелать им счастья.

Вечером мы веселимся на свадьбе... Лена все в той же поношенной гимнастерке, лишь кавказские сафьяновые с позументом сапожки на тонкой подошве да черкесский, обрамленный серебром поясok напоминают традиционный наряд адыгейцев. Но и в этой более чем скромной одежде Лена удивительно изящна и мила.

«Кавказский пленник» — так прозвали летчики своего любимца Петра Ликаренко — ликует от счастья. Гости хором кричат: «Горько!» Гармошка подхватывает торжественный «тост» — молодые застенчиво целуются... И снова играет гармошка, но уже вальс. Девушки нарасхват. Мужчины танцуют с мужчинами... Смотрю на молодоженов и думаю:

«Как сложится судьба этих людей? Ведь их любовный союз зародился под опаленными облаками. Скоро начнется наше наступление, и смерть будет заглядывать в кабины их самолета.

Нет, нет! — отгоняю мрачную мысль. — Идя в бой, солдат думает о жизни, о счастье на земле!»

Вскоре после свадьбы на фюзеляже штурмовика с бортовым номером «36» появилась надпись: «От Москвы до Берлина». Коммунист Петр Ликаренко и комсомолка Лена Ленская верили, что победный час для них пробьет в поверженном Берлине.

Вскоре началась Ковельско-Люблинская операция. С первых дней наступления Ликаренко и Ленская воевали с подъемом и даже с подчеркнутым риском, и не удивительно, что в одном из сражений их самолет подбила зенитная артиллерия... Ликаренко удалось

развернуть самолет на свою сторону, но и тут встал вражеский заслон: по изношенной машине открыли огонь шестиствольные «эрликоны». От неминуемой, казалось бы, гибели спасло редкое хладнокровие и высокое мастерство летчика — он посадил штурмовик на нейтральную полосу. Через день-два его самолет снова был в строю.

За время сражения над Польшей наша дивизия получила наименование Демблинской. В числе лучших летчиков были и супруги Ликаренко. В нашу дивизию зачастили фронтовые и армейские корреспонденты, семейным экипажем заинтересовались политотдельцы. В конце лета Ликаренко уже замкомэска. Смело водил в бой группы «илов», дерзко штурмовал гитлеровцев.

Напряжение боев нарастало еще потому, что восьмая гвардейская армия переправилась через Вислу и заняла магнусhevский плацдарм. Наша дивизия много потрудилась, чтобы помочь гвардейцам закрепиться на левобережье реки.

Теперь, когда Ликаренко водил в бой большие группы штурмовиков, его воздушному стрелку забот прибавилось. Стрелок ведущего — помощник командира. Теперь, как никогда, пригодились боевой опыт, дар предвидения Лены Ленской. Она помогала Ликаренко зримо охватить воздушное пространство и землю, определить намеченную цель, штурмовать, не заботясь о том, что позади. Зоркий глаз Лены издали видел появление воздушных пиратов, и она первая оповещала об угрозе истребителей врага.

Мне часто приходилось бывать на передовой, управлять боем штурмовиков, и каждый раз из сотни голосов в эфире я узнавал знакомый мне голос Ленской.

«Ликаренково подкрепление!» — шутили воздуш-

ные стрелки. Они правы! Ведь Лена не только оповещает о воздушной опасности, она подсказывает летчику наиболее верный маневр.

20 августа 1944 года я получил приказ. В нем было сказано о внезапном прорыве левого фланга восьмой гвардейской армии на магнушевском плацдарме. Нашей дивизии приказано совершить не менее 200 боевых вылетов в час, с тем чтобы блокировать вражеское наступление до подхода наших танков.

Спешу на аэродром Милянув, где базируются два наших полка, в том числе и полк Заноздры. Точно стайки гусей, группа за группой штурмовики выруливали на старт. Ведущий самолета «36» открыл кабину, и я увидел поднятые вверх два кулака: на языке летчиков это означало — «дадим прикурить!». В этот трудный день супруги Ликаренко успешно совершили два боевых, очень сложных и опасных вылета.

Новый, 1945 год мы встречали в небольшой деревеньке Конты, что южнее Варшавы. За пять минут до двенадцати включили трофейный приемник и слушали бой часов Кремлевской башни. Тост Лены Ленской звучал как священная клятва...

А вот и новое наступление Первого Белорусского фронта. Наши войска прорвали укрепленную оборону на левом берегу Вислы и неудержимо устремились на запад. Вначале дивизия помогала пехоте взламывать передний край обороны, а затем расчищать путь мехкорпусу. Трудились с раннего утра и до позднего январского вечера.

На третьи сутки стремительного наступления мехкорпус, обогнув Варшаву с юго-запада, на рассвете ворвался в городок Сухачев: оседлал шоссе Варшава — Берлин и тем самым преградил путь отступления варшавской группировке вражеских войск. Наступление мехкорпуса настолько ошеломило немцев, что

они не успели поднять в воздух свои истребители, стоявшие на аэродроме Сухачев.

Тут, как никогда, нужна была помощь штурмовиков. Три десятка боевых самолетов врага — добыча завидная, но штурмовики могли работать лишь на предельном радиусе. Задержись в полете на пять-шесть минут лишних — летчики не долетят до своего аэродрома из-за полного расхода бензина.

Вместе с группой офицеров и сержантов я находясь при командире мехкорпуса. Подсчитав время полета до Сухачева и обратно, даю приказ выпускать лишь надежные группы, с опытными ведущими.

Моя задача — не упустить трофеи: задача сложная, и тут есть над чем поломать голову, а она трое суток без сна и отдыха. Но можно ли думать об отдыхе, если аэродром врага поделен на две части: одна половина занята нашими танкистами, другая — фашистами, посреди летного поля «мессеры».

Сквозь мглу раннего зимнего утра я вижу эти самолеты, замечаю и жерла пушек «пантер», нацеленных на истребители: в случае чего немцы уничтожат свои самолеты. Надо завладеть инициативой, для этого наши штурмовики должны появиться раньше, чем прилетят сюда на выручку немецкие летчики.

А вот и шифровка: первую группу штурмовиков ведет Петр Ликаренко. Смотрю в бинокль... Да, это он! Узнаю его по характерному летному почерку — летит с небольшими доворотами то в одну, то в другую сторону, за ним цепочка штурмовиков в правом пеленге. Летчики издали готовятся к внезапной атаке.

— «Коршун-два», «Коршун-два»! — передаю по радио Ликаренко. — Ваша цель — «пантеры», что на опушке роши западной стороны аэродрома.

Ликаренко повторяет приказ. Увеличивает ско-

рость и летит прямо на цель. А мы ракетами указываем места стоянок «пантер».

Проходят волнующие минуты напряженного ожидания. Но вот немецкие зенитки дают заградительный огонь. Ведущий кладет самолет на крыло и круто пикирует, поливая огнем пушек хваленые «пантеры», расстреливает из пулеметов прислугу, а при выходе из атаки сбрасывает противотанковые и фугасные бомбы. Крупнокалиберный пулемет Ленской почти непрерывно бьет по зенитчикам... Ведомые летчики и воздушные стрелки повторяют удар ведущего. Прошла минута, и цепочка штурмовиков образовала замкнутый круг. Горят немецкие самоходки. Танкисты рвутся в бой, но их черед впереди: поспешишь и попадешь под огонь своих же штурмовиков. К тому же на подходе вторая группа.

Откуда-то появились «фоккеры». Об этом даю знать своим летчикам. Немецкие самолеты снижаются... И то, что они не торопятся для атаки, убеждает меня: освободятся от бомб и набросятся на штурмовики. Знакома их повадка!

— «Коршун-два», ваше время истекло. Уходите! — передаю Ликаренко. Но он не слышит меня.

— По самоходкам! — продолжает командовать.

«Спешит разгрузиться от бомб раньше «фоккеров», понимая, что боя не избежать», — догадываюсь я.

— Сомкнись, будем отходить! — наконец командует ведущий.

Вдруг под крылом его самолета заплесали белые хлопья разрывов: два истребителя заходят в хвост штурмовика. Отчетливо представляю, как Лена припала к пулемету, лоя в прицел атакующий самолет. Огненная трасса ее пулемета хлестнула по истребителю, но он крадучись сближается для кинжального удара...

Дуэль была скоротечной: две-три коротких очереди пулемета Ленской — и «фоккер» судорожно затрясся, точно ужаленный, метнулся в сторону, перевернулся через крыло и горящим факелом рухнул на землю.

— Петя! Напарник заходит! — слышу в микрофоне резкий женский голос.

Ликаренко пытается отвернуть самолет, делает скольжение, но истребитель, как бешеный, несется за машиной ведущего. Вдруг он выскакивает перед носом самолета Ликаренко, разворачивается для повторной атаки и попадает под огонь пушек самолета Петра. Задрав нос, «фоккер» скользнул на хвост, медленно лег на спину и штопором свалился в рошу. Розовое пламя озарило утреннюю мглу.

* * *

И снова в бой... Однажды садясь в самолет для выполнения боевого задания, Лена как бы между прочим сказала мужу:

— Петя! Сегодня полетим вдвоем.

— Говори яснее! — недоумевал Ликаренко.

— Куда ж яснее? Ты сидишь за броней, а мы за фанерой. (Задняя кабина воздушного стрелка фанерная.)

День Победы Лена вместе с мужем встречала в Берлине. Там произошла и моя последняя встреча с людьми суровой, но интересной судьбы, чьи красота души и внешнее обаяние удивительным образом сочетались с внутренней силой характера.

Уже будучи в запасе, я работал над документальной повестью «Штурмовики» и пытался отыскать семью Ликаренко, чтобы узнать о том, как сложилась их дальнейшая судьба.

Узнаю: Лена уволилась из армии перед родами в конце лета 1945 года. А это означало: четыре месяца они летали «втроем». И все ради того, чтобы исполнить клятву — «От Москвы до Берлина». За ценой не постояли, обещанное слово сдержали, в награду получили сына.

Лена закончила педагогический институт и стала преподавать русский язык и литературу. Петр окончил академию имени Жуковского. Супруги воспитывали сына Игорька и радовались: наконец-то засияло солнце и небо стало чистым.

Спустя шесть лет после войны я приехал из Риги в Москву, чтобы повстречаться с Леной и Петром. Но увы! Лены уже не было. Она умерла после тяжелой болезни.

С Петром Ликаренко я встретился в его московской квартире. Инженер-полковник Генерального штаба, где он служил, как и раньше, жил скромно. Его комната показалась мне полупустой. На стене портрет Лены Ленской. Первые минуты было трудно смотреть на него: ее пронизывающие глаза с какой-то непонятной силой были обращены на меня... Я попросил Петра рассказать о Лене.

— Болезнь Лены оказалась неизлечимой, — ответил Ликаренко. — Лена понимала это и, когда ей стало худо, попросила отвезти ее в родной аул Хатукай. Я сделал, как она просила... За три дня до рокового часа Лена потребовала фотографа. Попросила одеть ее в летнюю форму (хранимую как реликвию), сфотографировалась и вновь легла в постель. Последние слова были обращены к маленькому Игорьку.

«Подойди ко мне, сынок, и послушай, что я скажу», — прошептала Лена. Посмотрела на него так, будто увидела впервые, нежно погладила по голове и заплакала. «Милый ты мой! Расти без меня, будь

справедлив к людям. Люби их! Люби небо своей Родины и защищай его, как защищали его мы с твоим отцом...»

— Значит, вспомнила былое! — говорю я, глядя на портрет Лены.

— Вспомнила и завещала, — сказал Петр и, тоже взглянув на портрет Лены, добавил: — Человек предполагает, а жизнь располагает.

Я не стал тревожить душевных ран Петра. Мы попрощались, чтобы встретиться в другой раз.

Прошло несколько лет, не стало и Петра Ликаренко.

— Смерть отбирает лучших! — слабо утешал я на похоронах курсанта авиационного инженерного училища Игоря Ликаренко. Он собирался — как завещала мать — стать военным летчиком, но «помешали» медики: велик ростом! Поступил в инженерное училище.

Фронтная дружба в огне не горит и в воде не тонет! Игорь называет меня отцом, а я его сыном. Горжусь его душевной добротой, скромностью и большим трудолюбием. Инженеров в ВВС немало, но нет сверстника у Игоря Ликаренко, на счету которого значилось бы двадцать символических боевых вылетов на отцовском штурмовике над Польшей.

Прошло столько лет, а чернобровая девушка из аула Хатукай так и осталась в моей памяти — молодой, красивой и отважной.

ВМЕСТЕ С ТАНКИСТАМИ

Ночью танковый корпус генерала Н. Панова подошел к левому берегу сонной Зуши.

Предрассветную мглу распорол сигнальная ракета. В тот же миг оглушительно ударили пушки. Через реку полетели тысячи снарядов, мин. Бог войны — артиллерия различных калибров начала обрабатывать передний край немецкой обороны. Внезапно в эту грозную симфонию влился еще более мощный гул — это одна за другой взрывались крупнокалиберные авиабомбы.

На бледноватом безоблачном небе заиграла заря. Огневой шквал шагнул вперед. Танкисты начали переправляться через Зушу. Моя машина с рацией тоже перескочила мелководную речушку. Генерал Панов и комбриг Филиппенко стояли на правой стороне реки и наблюдали за переправой.

...Солнце уже поднялось. Артиллерия смолкла. Последние танки переправились. Пора бы им двигаться дальше, но там какая-то задержка...

Мы на крошечном пятачке, где, казалось бы, в пору разместиться одному полку... А у нас две стрелковые дивизии и танковый корпус.

Панов волнуется.

— Да выполняйте быстрее! Узнайте, долго ли они будут нас держать! — раздраженно говорит он на-

чальнику штаба. — Если фашисты пронюхают, что здесь творится, худо нам будет.

Моя рация разместилась возле танка генерала.

Радист настойчиво вызывает истребителей, но ответа нет.

Со стороны противника на горизонте появились крохотные черные точки. Кто-то тревожно крикнул: «Летят!» Панов нахмурился, приложив руку к глазам, внимательно посмотрел в небо:

— Так и знал!

Он сердито махнул рукой и пошел к танку. Летело около двадцати фашистских одномоторных пикирующих бомбардировщиков Ю-87. Самолеты начали перестраиваться в цепочку. С трех сторон одновременно ударили зенитки.

Ведущий самолет опрокинулся через крыло и, словно разъяренный хищник, устремился вниз, за ним другой, третий...

Наконец один из самолетов вздрогнул, замедлил полет, затем опрокинулся на крыло, опустил нос и камнем пошел к земле.

— Сбили! Сбили! — закричал какой-то танкист и с укором посмотрел на меня. «Без участия авиации, товарищ!» — говорил его взгляд.

И вдруг откуда ни возьмись выпорхнула группа наших истребителей Як-1. Начался воздушный бой.

Около рации остановился запыленный «виллис». Из него вышел начальник штаба корпуса.

— Ну что там? — спросил его Панов.

— Уничтожают огневые точки. Пехота напоролась на пулеметный огонь. Пришлось залечь. Фашисты перешли в контратаку...

— Сидеть больше нельзя.

Генерал захлопнул дверцу. Машина помчалась к передовой.

Наконец на волне 141 меня услышал аэродром. Но в это время раздалась команда:

— По машинам!

Заработали моторы. Танк генерала тронулся с места и, гремя гусеницами, пополз за передовым отрядом.

А через четверть часа мы уже выехали на дымившуюся первую линию обороны гитлеровцев. Увидели проволочные заграждения, разрушенные траншеи глубиной в человеческий рост, исклеванный приземистый дзот.

Передний край обработан основательно, но долговременные огневые точки, построенные из железобетона, кое-где стали оживать и огрызаться. То, что не смогли сделать артиллерия и авиация, завершила пехота: в пятом или десятом поясе уцелевшей проволочной защиты на минном поле пехотинец «прогрыз» лаз. Ползком он продвигался вперед. И вновь фланкирующий пулеметный огонь. Храбрец незаметно подобрался к дзоту, бросил в открытую пасть две гранаты. Пулеметный лай оборвался. Отвага пехотинца поразительна!

Слева от нас заработало противотанковое ружье противника. Один из танков вздрогнул и остановился, второй быстро развернулся и открыл огонь из пушки. Небольшая заминка — и колонна снова двинулась.

Впереди, на пологом склоне возвышенности, раскинулась Грачевка. До нее рукой подать. Но путь к ней противник перекрыл бешеным огнем. Танки медленно охватывают возвышенность.

Генерал Панов выслал разведку, а сам продвинулся к открытому правому флангу.

— Где-то, должно быть, у них хороший наблюдательный пункт, — заметил Панов.

Над Грачевкой маячит кирпичная колокольня.

Генерал показал на нее рукой и обратился к начальнику разведки:

— А ну-ка проверьте!

В десять утра мотострелковая бригада Филиппова с боями ворвалась в село и, не останавливаясь, двинулась дальше. На церковной площади расположился командный пункт Панова. Здесь же, возле заброшенного садика, примостилась и моя рация наведения.

Ровно в одиннадцать появилась большая группа одномоторных Ю-87. За неубирающееся шасси пехотинцы и летчики прозвали их «лапотниками». Самолеты перестроились в круг. Заработали наши зенитки. Один из самолетов рухнул на землю. Но это не остановило фашистских летчиков. Они продолжали заходить на цель.

На смену первой группе бомбардировщиков прилетела вторая. Вскоре откуда-то вынырнули восьмерка двухмоторных Ю-88 и четверка истребителей «Фокке-Вульф-190». За ними эшелон за эшелонам летели новые группы.

Нужна срочная помощь наших авиаторов.

Настраиваю приемник. В наушниках треск и лающие команды фашистов. Наконец слышу протяжную русскую речь:

— «Баклан-4», я — «Баклан-2». Подойди ближе!

«Бакланы» — это летчики-истребители дивизии Денисова. Я передал им свои координаты и попросил оказать помощь.

Вскоре в голубом небе показываются шесть точек. Они быстро увеличиваются, приобретают знакомые очертания Ла-5.

— Я — «Волга», я — «Волга». Вас вижу. Идите на выручку! — передаю по радио.

— Я «Баклан-2», вас понял, иду выполнять! — слышу голос истребителя.

— «Бакланы»! Внимание! — командует тот же голос. — «Баклан-4» остается здесь, другие за мной! Саша, подходи поближе!

Два истребителя задержались на высоте, чтобы при встрече с самолетами противника сковать их боем. Четверка Ла-5, разделившись на две пары, устремилась вниз. Пикируя почти отвесно, первая пара «Бакланов» настигла ведущего «юнкерса» и дала длинную очередь из пушек. Бомбардировщик вспыхнул и, объятый пламенем, упал прямо к танкистам. Вторая пара атаковала зазевавшегося «фокке-вульфа». Тот, беспомощно задрав нос, скользнул на хвост и штопором врезался в землю. Тем временем первая пара «Бакланов» развернулась и метким огнем встретила двухмоторный «юнкерс». Раздался взрыв, и фюзеляж бомбардировщика переломился пополам.

Вторая пара «Бакланов» стремительной атакой зашла в хвост ведомого «фокке-вульфа». Гитлеровец за метался и столкнулся со своим ведущим...

Воздушный бой был стремительным и напряженным. Фашистские истребители даже не заметили, что советские летчики сбили их бомбардировщики.

Третья пара Ла-5, барражируя на высоте, завязала карусель с двумя «мессерами».

Воздушный бой теперь шел на двух ярусах.

Незаметно на небольшой высоте подошла группа «Юнкерсов-88». Используя скованность наших истребителей, она быстро снизилась для удара по танкам.

— «Бакланы», «Бакланы», под вами «юнкерсы»! Атакуйте!

Ведущий «Баклан» и его напарник метнулись вниз и короткой очередью ударили по мотору «юнкерса».

Тот поспешно сбросил бомбы, полого развернулся и на одном моторе стал уходить в свою сторону.

— Руби его! — закричал ведущий «Баклан».

Произошло неожиданное. Наш летчик, нарушив железный закон истребителей, оторвался от ведущего, кинулся в сторону, настиг подбитый бомбардировщик и короткими очередями поджег уцелевший его мотор. «Юнкерс» крутой спиралью пошел вниз и свалился на окраине Грачевки. В этот момент из-за облаков вынырнул «мессер». Я успел только заметить его хищный маневр снизу и удар по нашему самолету.

Я предупредил, чтобы летчик уходил на свой аэродром, но было уже поздно.

Краснозвездный истребитель окружили пять гитлеровцев. Они пытались завернуть его в свою сторону.

— Пропал летчик! — сокрушенно воскликнул мой шофер.

— «Баклан», слушай мою команду! Полный газ!

Советский истребитель на форсированном газу направился не к своим, а в сторону противника.

— «Баклан», убери газ и с переворота уходи в обратную сторону!

Скорость самолета быстро гасла, фашисты обогнали его, и, когда последний из них по инерции проскочил вперед, «Баклан» перевернулся, лег на спину и пустил длинную очередь. Гитлеровцы метнулись в разные стороны.

— Лети на зенитки! — передал я.

Подбитый «фокке-вульф» начал гореть. От самолета отделилась темная фигура, и через мгновение над ней вспыхнул белый купол парашюта. Летчик повис в воздухе. Остальные гитлеровцы бросились вслед за нашим истребителем. Но путь им преградили белые разрывы зенитных снарядов...

— Летят! — крикнул радист и передал мне микрофон.

От Зуши летела группа «илов».

— «Волга», «Волга», я — «Коршун-5», как слышите? — заговорили в эфире.

— Атаковать цель в квадрате 25.

— Понял, — ответил ведущий.

И вот пронеслись штурмовики и сопровождающие их истребители.

Вокруг «илов» замелькали разрывы. Самолеты разомкнулись и начали по одному заходить на цель...

— Спокойно! — поправляет кого-то ведущий. — Прицеливайтесь не спеша!..

«Должно быть, вывозит новичка», — подумал я.

— Еще разок по пушкам! — подбадривает ведущий.

Неожиданно появилась большая группа Ю-87. Не обращая внимания на зенитный огонь, «юнкеры» над нашими головами перестроились в круг и начали пикировать на садик.

«Зачем понадобился им этот садик? Долбят и долбят уже который раз. А с другой стороны, хорошо, что летят сюда, а не на войска...»

Подбитый «юнкерс» отвалил в сторону, в беспорядке сбросил бомбы и, накренившись, хотел уйти. Но зенитчики не выпустили его из огненных лап и добились. «Юнкерс» рассыпался.

Атаки продолжались. Вот один из самолетов, спикировав низко, сбросил две бомбы. Раздался оглушительный взрыв, взрывная волна подбросила и опрокинула «юнкерс» вверх колесами. Комья земли и камни долетели до нас. Позже мы узнали, что в садике взорвался склад боеприпасов. Фашисты не захотели оставить его нам.

— Я — «Чубук», я — «Чубук»! — услышал я по радио. — Сообщите цель!

— Цель — артиллерия, квадрат 25...

Голос «Чубука» для меня — голос родного брата. Я узнаю его сразу.

Вся эскадрилья капитана Чубука состоит из молодых летчиков. Капитан сам их обучал на полигоне дивизии, сам с ними летает в бой.

— Не отставайте! Подойдите поближе! — говорит кому-то капитан.

Отстающий увеличил скорость, дистанция между ним и ведомым сократилась, боевой порядок выровнялся.

— Вот так, — одобрительно говорит Чубук.

Капитан заботливо оберегает своих питомцев, следит, чтобы никто не оторвался от боевого порядка и не стал легкой добычей врага.

Вижу, как капитан перевел самолет в пикирование и скрылся за леском. Секунд через восемь, отбывшись, он вновь появляется на горизонте. Молодые летчики последовали его примеру. Капитан строго требовал, чтобы летчики не рвали цепочку, а, образуя «вертушку», крутились до команды «Кончай работу!».

С запада пришла четверка «мессеров». Она с разворота обогнула фланг и летела навстречу нашим соколам.

«Яки», сопровождавшие группу капитана, поднялись и изготовились к бою.

Секунда — и автоматические пушки брызнули огнем. Самолеты, задрав носы, стали набирать высоту. Чубук дал новую команду:

— За мной, сомкнуться!

«Мессеры» метнулись вверх и отвалили в сторону.

Подлетела новая группа «илов». Фашисты заметили, что один самолет отстал. Как из-под земли вы-

нырнули два «мессера» и кинулись на отставший штурмовик.

Истребитель, не успевший вовремя отогнать от «ила» гитлеровца, атаковал его с хвоста. «Мессер» вздрогнул и бросился в сторону, но Як-1 не отстал и добил его. Атаки штурмовиков становились напористей. Бесперывно грохотали автоматические пушки, взрывы бомб сотрясали землю.

Генерал Панов прислал записку: «Бригада Филиппова двинулась дальше. Передайте летчикам от нас спасибо».

Радист сложил антенну, и мы продолжили путь. Еще один узел сопротивления остался позади.

— О фашистском летчике слышали? — спросил Панов, когда вечером увидел меня.

— Знаю, наши сбили, а куда его отправили — не слышал...

Генерал поморщился.

— Пока он спускался на парашюте, свои же расстреляли его из пулеметов.

Уже четвертый день танковый корпус Панова ведет напряженные бои на орловском направлении.

Воины овладели многими укрепленными пунктами. Каждый раз, когда оставался позади труднопроходимый для танков рубеж, казалось, что наконец-то они вырвались на оперативный простор и теперь пойдут гулять по тылам вражеской армии, резать коммуникации, громить штабы. Одним словом, я думал, что теперь начнется победоносный глубокий рейд. Но этого не было.

Фашисты отчаянно сопротивлялись, спешно возводили все новые и новые укрепления, подбрасывали резервы. Время от времени они бросались в контратаки.

Бесперывные бои сильно утомили танкистов. Но никто не жаловался на усталость, все неудержимо рвались вперед, как и в первые дни.

Генерал Панов вызвал меня и ознакомил с обстановкой...

— Принял решение наступать правым крылом. Давайте сделаем так. Вы отправляетесь в мехбригаду Филиппова и помогите атаками штурмовиков взять небольшое укрепление и прорваться вперед. Такая задача вас устраивает?

— Отчего же нет? Летчиков любое дело устраивает, лишь бы польза была...

— Значит, договорились. — Генерал стал свертывать карту. — Да, вот что... С разведкой бедновато... Пленные показывают, что, когда их перебрасывали от Орла, на пути видели танки. Хорошо бы посмотреть, что делается впереди корпуса...

— Постараемся, товарищ генерал.

Ночь.

На темном горизонте засверкала молния, послышались раскаты далекого грома. Вскоре на сухую землю упали первые капли дождя.

На КП нас трое: Панов, незнакомый мне генерал и я. Панов наклонился над картой. Он измерил расстояния, подсчитал время, прикинул наличие боеприпасов.

Перед рассветом мы выехали к месту предполагаемого сражения. Генерал обосновался на новом КП. Недалеко от него остановились и мы со своей рацией наведения.

Задумав большой бой, генерал заметно преобразился: голос его стал звонче, походка увереннее, движения энергичней.

— Начнем, пожалуй! — громко сказал Панов в телефонную трубку и вышел из укрытия.

Дремавший лес ожил. До нас долетели глухой шум моторов, треск деревьев и лязг гусениц. Розоватые солнечные лучи пробили утренний туман, осветили медленно отползавшие от лесной опушки танки.

Если бы не лязг гусениц, можно было подумать, что от крутого берега отчаливают баркасики. Гонимые ветром, они, покачиваясь, помчались вперед.

Откуда-то вынырнули маленькие юркие танкетки. Они торопливо расползлись веером. К флангам головной танковой группы присоединились тяжелые танки и пошли цепочкой вдоль все усиливающейся танковой колонны.

Следом за первой волной тронулись знаменитые Т-34 с десантом мотопехоты. Это была танковая бригада Героя Советского Союза полковника Филипенко.

Колонну замыкала машина комбрига. Он стоял на переднем сиденье. От его всевидящего ока не ускользала ни одна деталь. Не дай бог, в эти решающие минуты перед боем у кого-либо из-за неряшливости заглохнет мотор и остановится танк! Не пройдет и минуты, как «виллис» подскочит к отставшей машине, полковник, опираясь на палку, выйдет из автомобиля и грозно постучит по броне.

Только новичок в такую минуту решится на оправдание.

Сейчас все шло хорошо, и комбриг готовился пересест в танк.

— Фашисты хотели нас затянуть в мешок и смять... Не удастся!.. — сказал генерал Панов, когда я попался ему на глаза. — Вы, дорогой полковник, смотрите за тем, чтобы ваши летчики не появились раньше обусловленного часа и не взбудоражили гитлеровцев, но и не опоздали бы, конечно...

Я понимал волнение генерала. А вдруг в решающую минуту оборвется связь или испортится погода! Да мало ли что может помешать штурмовикам, от которых сейчас во многом зависит успех боя.

Где-то впереди захлопали пушечные выстрелы. Казалось, сражение начиналось. Но это была только перестрелка между разведкой корпуса и охраной вражеской танковой дивизии.

Генерал приказал своей разведке отступить к танковой бригаде Филипенко и тем самым навести противника на изготовленный к бою корпус.

Вскоре мы увидели наши средние танки. Отстреливаясь, они продолжали «отступать». За ними ползли бронированные машины врага. Фашисты не догадывались о ловушке.

Произошло все довольно просто. Гитлеровские танки, преследуя наши, вышли на большое поле, слева от которого тянулся лес, а справа — небольшой поселок. Из поселка советские танкисты и повели губительный фланговый огонь. Фашисты растерялись, нарушили боевой порядок и стали поворачивать назад. Но было уже поздно. Танки и десанты Филипенко закрыли им путь к отступлению. В этот момент мы увидели, как подтягивались основные силы врага. Впереди шли приземистые, с длинными стволами пушек машины. С дальних дистанций они открыли огонь. Мы догадались, что это были хваленые «тигры». «Перед этими танками русские не устоят», — уверяла фашистская пропаганда.

А наши воины думали иначе.

— Поживем — увидим, в бою разберемся, что к чему, — говорили они.

Накануне Орловской операции танкисты получили новинку — «подкалиберные» противотанковые снаряды. Наступил час их испытания.

«Тигры» с ходу атаковали наш левый фланг. Их встретил первый батальон знаменитых Т-34.

И мне, не искушенному в танковых делах, стало ясно, что до сих пор обе стороны только маневрировали, присматривались друг к другу.

Люди, закованные в стальную броню, подобно богатырям, одетым в тяжелые доспехи, готовились к решающей схватке. Кто первым нанесет смертельный удар?

— «Волга», «Волга»! Я — «Филлин-1», — услышал я голос командира штурмового полка.

Оглядел небо и увидел три шестерки «илов», а над ними две четверки истребителей.

— Наносить удар по танкам на поле боя. Воздух свободен, — передал я.

— Иду выполнять! — ответил ведущий и дал команду летчикам.

Положив самолет на крыло, командир полка первым ринулся в атаку. Один за другим то же сделали и другие.

От замыкающей группы «илов» отделилась пара самолетов и ушла в сторону противника. Это капитан Чубук с напарником отправились в ближнюю разведку.

Опытные летчики знали, что танк — труднейшая и опаснейшая цель. Она мала и подвижна. Прямое попадание бомбы — явление редкое. Огня самолетных пушек танк не боится. Каждый немецкий танк вооружен скорострельной зенитной пушкой, которая способна смертельно ранить любой самолет. Но теперь... теперь положение изменилось: штурмовики вооружены новыми противотанковыми бомбочками «малютка» — так летчики называли килограммовую бомбу. «Малютка» пробивала любую броню и разрывалась внутри машины.

Право же, неприятная штука эта крошечная бомба. Ее «секрет» сейчас раскроют немецкие фашисты, но далеко его не унесут...

Бой разгорался.

В пыли и дыму сверкали пушечные выстрелы, то и дело вспыхивали темно-красные клубочки взорвавшихся снарядов. К шуму боя присоединились глухие и частые разрывы противотанковых бомб.

Подлетели еще две группы штурмовиков и, встав в круг, яростно стали клевать фашистские танки.

Подбито уже шесть «тигров». Вспыхнул седьмой. На полном ходу он столкнулся со своим танком, и оба замерли.

А вот загорелся и восьмой. Пройдя еще несколько метров, он повалился на бок, лязгая гусеницами. Маневрируя под огнем «эрликонов», один из штурмовиков задымился и направился в сторону аэродрома. На смену первым группам самолетов приходили новые.

Танковый бой вступал в такую фазу, когда летчику нелегко разобраться, где свои, а где чужие. Даже на земле трудно разглядеть, что происходит.

Один за другим остановились два наших танка. Кто подбил их? Посмотрел в бинокль. Вначале заметил вспышки выстрелов, потом — замаскированную ветками самоходку. Прижавшись к опушке леса, «фердинанд» бил прямой наводкой.

С трудом удалось навести наших летчиков на самоходку.

Генерал Панов ввел в бой свежие силы. От знакомой опушки леса, набирая скорость, рванулась большая группа тяжелых КВ. Чем ближе они подходили к месту сражения, тем чаще останавливались для прицельного огня. Выпустив снаряд, КВ энергично шли дальше.

Следом за ними двигались мощные ИС. Их пушки крупного калибра способны разрушить любую броню. Танки медленно зашли на правый фланг, где билась с пехотой мехбригада Филиппова, и сосредоточили огонь на «тиграх».

На поле боя действовало около четырехсот машин.

Сначала танки дрались в развернутом боевом порядке с дальних дистанций, потом сходились и расстреливали друг друга с коротких и наконец сталкивались бронированными лбами... Уцелевшие машины тут же снова бросались друг на друга, и борьба вспыхивала с еще большим ожесточением.

Пробив завесу огня и пыли, танки КВ рванулись на «тигров».

Вот загорелся один «тигр», взорвался другой. Третий, отстреливаясь, дал задний ход, но КВ ударил по нему в упор. «Тигр» завертелся на месте и от последнего меткого попадания ткнулся стволом пушки в землю.

Наш танк без единого выстрела неся на широкобокую «пантеру». Они столкнулись и застыли... Через секунду открылся люк нашей машины, танкисты прыгнули на землю и бросились к воронке.

— «Волга», «Волга!»—услышал я голос Чубука.— Передаю данные разведки. К месту боя подошла большая группа вражеских танков. По дорогам от Орла — движение автомашин...

Донесение отослал генералу. Над полем боя появились фашистские истребители.

Штурмовики под прикрытием «яков» отошли в сторону.

— Я — «Филин-7», я — «Филин-7», — слышу ведущего штурмовиков. — Сообщите воздушную обстановку.

— «Фокке-вульфы» дерутся с «яками», — сообщаю

«Филину-7». — Наносите удар по подходящему танковому резерву. Задержать, не допустить танки к месту боя...

— Ясно! — ответил «Филин» и полетел, куда сказано.

Ведущий другого отряда «илов» перестроил свою группу в оборонительный круг и зашел на цель...

Вот показалась группа комэска Козловского. Он энергично пикирует, круто опуская нос самолета. Летчик сбросил бомбы, резко развернулся над целью, опрометчиво подставляя под огонь «эрликонов» свой самолет.

— Проутюжим их! — слышу голос комэска.

«Требую усилить натиск штурмовиков», — передает мне генерал Панов.

Двух полков штурмовиков явно не хватает. Что делать? Радист повернул рукоятку на «Передачу ключом». В эфир полетели точки и тире — я просил штаб воздушной армии о помощи.

— Последний натиск, и враг побежит, — передает пришедший от Панова офицер связи. — Нужна помощь штурмовиков.

Я уже несколько раз вызывал истребителей. Наконец удалось связаться с одной из групп. Сообщил ей свои координаты. Через три минуты появились «лаги». Но где же штурмовики?

В бой вступил новый резерв танков. Развернувшись боевым порядком, они двинулись наперерез большой группе «пантер». Снаряд, попавший в лоб тяжелого танка ИС, лишь высек сноп искр, а ответный прошил «пантеру».

Выстрелы мощных пушек танков ИС подняли тучи пыли. Стоявшие у лесной опушки «фердинанды» отодвинулись в сторону, «тигры» метались, единоборствуя с Т-34.

Где же штурмовики?

Я связался со штурмовиками соседней дивизии и перенацелил их на участок танкового корпуса.

— «Волга», «Волга», я — «Карась-1», вас понял, иду выполнять!

В небе появляются две восьмерки «илов», затем еще две.

— Делаем холостой заход! — командует ведущий.

«Зачем холостой? — подумал я. — Бил бы с ходу». Но ведущий повторяет:

— Сделаем по одному холостому заходу, разберемся, а потом ударим!

После второй и третьей атак запылали вражеские танки. Черные столбы дыма устремились к небу.

— Смотрите, еще летят наши! — восклицает радист.

Теперь врага громят более сорока «илов». Их поддерживают двадцать истребителей. На двух ярусах завязалась ожесточенная борьба.

Неожиданно на большой скорости появились две тройки Ю-88. Они заходили в тыл нашей мотострелковой бригады. Но их заметили из группы отбомбившихся штурмовиков. Самолеты ринулись в атаку — и четыре «юнкерса» свалились на землю.

«Кто эти герои-летчики?» Связываюсь с ведущим.

— «Карась», отвечайте открытым текстом!

— Группа майора Неходы! — слышу в ответ.

— Спасибо вам, друзья, спасибо от танкистов!..

После налета группы Неходы обстановка на поле сражения сразу изменилась. Бросив подбитые танки и самоходки, фашистские «тигры» и «фердинанды» отступили за высоту. И теперь советские войска устремились вперед...

Утром 5 августа после ожесточенного боя танкисты ворвались в Орел.

ВАЛИКО

На чистом небе закатывается холодное зимнее солнце.

Зловеще красный горизонт напоминает о кровопролитных боях. Когда краски за окнами совсем блекнут, на стеклах вырисовываются причудливые узоры тонких кружев и среди них силуэты самолетов, танков, «катюш»...

Беседуя с молодым пополнением, знакомлю прибывших с биографией штурмовой авиационной дивизии и ее 765-го полка, в котором они будут воевать, а сам стараюсь запомнить фамилию каждого нового летчика, каждого стрелка, узнать о них как можно больше.

— ...Ваш полк сражался на Кубани, штурмовал знаменитую Голубую линию врага, а еще раньше воевал у предгорий Кавказа... — говорю я.

— Ай-ай-ай! — не удержался один из летчиков. — Опоздал!

Он порывисто вскочил с места и, приложив ладонь к груди, с какой-то досадой смотрит на меня.

— Куда опоздал? — спрашиваю его.

— Вы сказали, мой полк воевал на Кавказе... Да? Я тоже мог бы, а опоздал.

Это был младший лейтенант лет двадцати двух-двадцати трех. Фигура спортсмена, коротко постри-

женные смоляные волосы, в бархатной оправе темно-коричневые глаза, небольшие усики, придающие его худощавому лицу некую солидность.

Рядом с ним неожиданно возникает небольшой, на вид лет семнадцати, светловолосый паренек с девичьим лицом. Переступая с ноги на ногу, он хочет что-то спросить, но не решается.

— Тебе чего?

— Воздушный стрелок младший сержант Колгатин! — пропищал парнишка совсем детским голосом.

— Слушаю.

— Мы договорились с младшим лейтенантом летать в одном экипаже. Разрешите?

— Это дело командира полка.

— От вас тоже зависит, да?! — не то спросил, не то утвердительно проговорил летчик с усиками.

— Повторяю — решит командир полка.

Они растерянно смотрят друг на друга, потом, как по команде, снова поворачиваются ко мне. В их глазах вижу немую просьбу.

— Настаиваете? Ну хорошо, поговорю с командиром полка. Как вас зовут? — спрашиваю летчика.

«Младший лейтенант Целомаидзе и младший сержант Колгатин, 765 ап», — записываю в свою книжечку.

Через несколько дней мне доложили, что Целомаидзе и Колгатин быстро освоились с новой обстановкой, сдружились с однополчанами и уже приступили к учебно-боевой подготовке на самолете Ил-2, что летчик Валико Целомаидзе уверенно входит в строй и рвется в бой, словно хочет наверстать годы, проведенные не на фронте, а в училище.

Под стать летчику и его воздушный стрелок, за небольшой рост и сноровку прозванный «Чижи́ком».

Работяга, весельчак, мастер на все руки. Как родные братья, сдружились они, всюду вдвоем.

— Ну как живете? — как-то остановил я Целомаидзе, когда он шел со старта в штабную землянку полка.

— Если начистоту — немного скучаю по отцу, матери, сестрам, брату...

— Переписываешься?

Он молча смотрит куда-то мимо меня. В глазах печаль.

— Случилось что?

— Случилось, товарищ комдив, случилось: на мои письма нет ответа.

— Не волнуйся, ведь полк только-только прибыл в нашу дивизию — полевая почта еще не развернулась как следует.

— Это верно, но сердце болит, домой просится. Не был дома с 1939 года, хочется побывать у стариков, Тбилиси посмотреть... Какой он теперь? Мальчишкой был — чего понимал? — Он посмотрел на подлелевший к аэродрому штурмовик и чему-то улыбнулся. — Побывал бы и у дяди Мухарадзе, в Кутаиси. Старик, а все еще на железной дороге работает. У нас в Грузии старики без дела не могут жить. Возможно, поэтому у нас стариков очень уважают... Мой дядя живет на высокой горе, возле храма Баграти... Вы слышали об этом храме?

— К сожалению, я не был в Кутаиси... А что это за храм?

— Гм! А вам не приходилось читать об объединившем Грузию царе Баграте?.. Это ж был знаменитый полководец! Из его рода происходил и Багратион, сражавшийся на Бородинском поле... О Метехском замке в Тбилиси тоже не читали?

— Откуда ты все это знаешь? Сам читал, или кто-то рассказывал тебе?

Валико рассмеялся:

— Просто я люблю старину...

Все лето Целомаидзе и Колгатин находились в боях: летали над Украиной, дрались за Буг, освобождали Польшу, десятки раз пересекали Вислу, на магнусевском плацдарме штурмовали пехоту, артиллерию и вражеские танки.

Вскоре штабники открыли у Целомаидзе цепкую, прямо фотографическую зрительную память.

Однажды Целомаидзе летал со мной на разведку района предстоящих боев наземной армии. На одном из участков немецкой обороны нас настойчиво стали преследовать вражеские зенитки. Истребители прикрытия метнулись ввысь — и правильно сделали. А я, вместо того чтобы сманеврировать, бросился сгоряча на батарею да так увлекся, что не заметил, как оказался у самой земли. Пришлось уходить над самыми головами немецких солдат. И тут в наушниках я услышал смех Целомаидзе. Он, точно тень, летел за моим самолетом и зорко следил за всем, что творилось вокруг.

Над аэродромом спрашиваю:

— Над чем смеялся, когда летели над немецкими траншеями?

Валико что-то вспомнил и вновь расхохотался, да так, что у него из глаз выступили слезы.

— Вы что, не видели?

— Кого? — недоумеваю я.

— Фрица без штанов... Мы же так низко летели...

Осенью Целомаидзе уже командовал звеном штурмовиков. На погонах у него две звездочки: лейтенант!

А на груди начищенные до блеска ордена Красного Знамени, Отечественной войны и медали.

Шло время. К оснащению грозного Ил-2, на котором летал Валико, прибавился синхронного управления пленочный фотоаппарат. Летчик быстро освоил его и, атакуя на больших скоростях, успевал ловить объект в прицел даже на предельно низкой высоте. Фотоснимками Целомаидзе заинтересовались в штабе воздушной армии. Он стал воздушным разведчиком высокого класса.

Март 1945 года был у нас напряженным — мы готовились к завершающей битве за Берлин.

Директивой фронта предусматривалась аэрофотосъемка всех подступов к логову врага.

Приказ воздушной армии мы получили на рассвете, а через четверть часа уже сидели в штабе дивизии и вместе с командирами полков отбирали лучших разведчиков. В числе первых были названы имена проверенных в боях коммунистов, отважных летчиков, бесстрашных аэрофотосъемщиков Целомаидзе и Гуркина.

— Лейтенанты Целомаидзе и Гуркин назначены в полеты? — спрашиваю командира полка.

— Да, — отвечает он.

— Отмените... Изолируйте их на сутки для полного отдыха. Питание — по их выбору.

Летчиков вернули со старта, и не в общежитие, а в один из лучших коттеджей поселка.

Старший повар по приказу самого командира БАО прибыл к ним для переговоров относительно меню. Целомаидзе не растерялся и взял курс на грузинскую кухню.

— Вы умеете готовить харчо, чехомбили?

— Нет, — отвечает повар.

— Ха, куда я попал?

— Не дури, приятель! Почему бы нам не позавтракать ветчиной с яйцами и горошком? — сказал Гуркин.

— Горошка нет, товарищ лейтенант, — огорченно отвечает повар.

— Ладно, давай ветчину с горчицей, — великодушно соглашается Целомаидзе.

— И пирожное «эклер», — добавляет Гуркин.

После сытного завтрака стали обсуждать маршруты возвращения с войны.

— Едем в Тбилиси, — предлагает Целомаидзе.

— Через Тулу, — уточняет Гуркин.

— К нам попадешь — век не уедешь. Лучше Тбилиси нет города на свете!

— Тула, Ясная Поляна... что может сравниться с родиной моей! — не сдавался Гуркин, вышедший из рода потомственных тульских оружейников. — Это у нас блоху подковали...

Вместе с командиром полка и штурманом дивизии прихожу к летчикам для проигрыша задания.

— В обход ведите маршрут, в обход, — то и дело повторяет командир полка, указывая пункты автостреды, где сосредоточены батареи немецких зенитных орудий.

— Пусть появятся внезапно со стороны Берлина, так безопасней, — подсказываю я.

Цель — автострада — обозначена на карте красной прямой линией. Пройти среди бела дня над автострадой, дать фотопанораму движения на главной артерии немецкого тыла — таково задание маршала Жукова. Съемку такой протяженности нам еще не приходилось делать. Да еще на таком направлении, как Кюстрин — Берлин, где каждый километр пути защищен зенитками разных калибров.

На минуту представляю двух штурмовиков, вы-

нужденных без маневра лететь среди тысяч разрывов, на заданной высоте и скорости. Повернуть бы им чуть в сторону от огневой трассы или ударить по вражеской батарее... Но нельзя! Плановая съемка требует неизменно строгого режима полета. «Что же придумать, чтобы хоть несколько обезопасить полет экипажа?»

— Даю надежное прикрытие — по четыре истребителя на каждого. Однако помните про землю — она опасна! Главное — уйти от зениток, — заключаю уже как командир дивизии.

Командир полка доволен моим решением. Но на его суровом лице продолжаю читать тревогу о людях.

Вечером снова захожу к летчикам. Друзья радостно вскакивают.

— Садитесь, потолкуем.

Передо мной были не просто летчики, но и мои воспитанники. И мне приятно, что они обрадовались моему приходу.

Друзья сидели за фотоснимками. Они переговаривали о многом, теперь мы рассматриваем эти снимки вместе.

Бежит через поле и огибает рощу проселочная дорога. Пустая дорога, как будто пуста и роща. Но что за пятна на смоченной дождем земле?

Смотрим через лупу: следы танков. Дорожка снова выбегает из рощи, но поверхность ее совсем иная. По ней танки не проходили, это значит, танки остались в роще.

Еще два снимка. По шоссе движется конный обоз. На переднем плане вставшие на дыбы, рвущиеся из упряжки кони, а с боков разрывы снарядов скорострельных пушек штурмовиков. Завоеватели Европы, точно тараканы, разбегаются в разные стороны....

Долго толкуем о каждой детали предстоящего полета, советуемся, как лучше, с наименьшим риском выполнить задание...

В конце беседы Валико спрашивает:

— Товарищ полковник, партбилеты и ордена оставить?

— Лучше оставить.

19 марта они вылетели на боевое задание.

Немцы предприняли все, чтобы не допустить воздушных разведчиков даже близко к магистрали и к скоплению войск, замели все следы и тропы, ведущие к Берлину. И все же, преодолев бесчисленные преграды, летчики выполнили задание по разведке.

21 марта Целомаидзе снова вылетел на разведку и аэрофотосъемку полосы Бритцен — Буков — Ренхенов. На пути к цели его Ил-2 был атакован десятью ФВ-190. Много раз они пытались сбить разведчика, но, искусно маневрируя, Целомаидзе уходил из-под удара. Ему хорошо помогал воздушный стрелок — бесстрашный «Чижик»: огнем своего пулемета он удачно отражал атаки врага. Все возможное и невозможное, чтобы помочь разведчику, делали и истребители прикрытия. С их помощью летчик прорвался к цели и сделал свое дело. Когда он посадил свой до неузнаваемости искалеченный штурмовик, у него было четыреста фотоснимков, сделанных с высоты пятидесяти — ста метров. А ведь на многие цели приходилось заходить по два-три раза!

За два дня до наступления трех фронтов на Берлин летчикам коммунистам Целомаидзе и Гуркину было доверено задание особой важности: вторично сфотографировать автостраду Кюстрин — Берлин и

повторить съемку полосы Бритцен — Ренхенов. Когда они поднялись в воздух, я находился у рации. Связь работала безотказно, слышимость была хорошей.

Истребители прикрытия отбили атаки «мессеров», но уже над целью штурмовики попали под ожесточенный огонь зенитных батарей.

— «Знамя», «Знамя», — вырвался из репродуктора гортанный голос Целомаидзе. — Я — «Терек-17»... Бейте по зениткам! — И через секунду: — Последний кадр, слышите, последний!..

Голос его оборвался.

— «Терек-17», «Терек-17»! — вызывает радист, но Целомаидзе продолжает молчать.

Время словно замерло, хотя стрелки часов и продолжают отсчитывать секунды и минуты.

Наконец возвратился Гуркин. В крыльях машины пробойны, мотор дает перебои, шасси не сработало...

А командир звена Целомаидзе так и не вернулся.

Он погиб как герой на двадцать шестом году жизни при выполнении особого задания.

После войны я трижды побывал в Тбилиси, пытался отыскать родных или знакомых отважного летчика. Но увы... Никто не мог сказать, где они живут, да и живут ли? «А ведь дядя Валико — Мухарадзе живет, если память мне не изменяет, в Кутаиси!» И я отправляюсь в этот древний город Грузии.

В Москве снег, первые морозы румянят щеки, а в Кутаиси еще не сняты с деревьев позолоченные солнцем корольки. По-летнему насвистывают скворцы, громко щебечут лесные птички, в воздухе та благодушие, какая бывает в начале осени только на Кавказе... Кто хоть раз бывал здесь в эту пору, тому не забыть поэтической прелести долины реки Рион.

В краеведческом музее я увидел бронзовую палиастомскую икону работы мастеров 13—14 веков — образ юной богоматери не с младенцем, как привыкли видеть мы Марию, а с мечом в руке. Видимо, это дань времени жестоких кровопролитий — ведь сюда с мечами вторгались римляне, персы, арабы, монголы, турки.

Точно потревоженные в улье пчелы, шумят на площадях города люди, снуют проворные автомобили, то и дело проносятся переполненные пассажирами троллейбусы, грохочут автобусы.

Прохожу через мост сонной реки и по крутым каменным ступеням поднимаюсь в гору. Солнце опускалось за вершину хребта, покрытого густым лесом, воздух потяжелел, облака окрасились слабым малиновым блеском.

Здесь бывал Валико. Незадолго до своей гибели он говорил мне, что его с детства тянуло в небо. В это небо!..

Дорога выводит меня на улицу Луначарского, а по ней — к двухэтажному домику с верандой. Напротив — полуразвалившийся храм Баграти... И я снова вспоминаю Валико.

— Не знаете, где живет гражданин Мухарадзе? — спрашиваю старую, одетую во все черное женщину. Она, не останавливаясь и не глядя на меня, точно глухая и слепая, проходит мимо.

С таким же вопросом обращаюсь к вышедшему из дома старику.

— Мухарадзе, Мухарадзе? — шепчет он, глядя на меня. — А зачем он тебе?

— Ищу дядю погибшего летчика.

— Нет, хоть зарежь, не помню такого, — наконец отвечает старик и встряхивает головой.

Обхожу соседние дома и не нахожу никого, кто бы знал Мухарадзе.

Направляюсь к храму Баграти и на северной его стороне читаю: «Когда был настлан пол корониколы — шел 233 год». Руками глажу камни древних стен разрушенного турками храма. «Кто знает, — думаю, — может, Валико Целомаидзе тоже стоял на этом месте и, как чуду, дивился этому величию, созданному руками его предков. Возможно, тогда под впечатлением этого устремленного в небо храма и возникла у него мечта о завоевании небесной выси?»

Я снова в Тбилиси. Беседую с главным редактором журнала «Дроша» Георгием Константиновичем Натрошвили.

— Целомаидзе? — Нет, да и не может быть среди грузин такой фамилии. Скорее всего Цамаладзе или Цамалаидзе... Имя, отчество помните?

— Звали Валико. А по отчеству Евстафьевич...

Натрошвили поглаживает колени и долго молчит, о чем-то думая про себя.

— Вероятно, вы ищите несуществующую фамилию, дорогой мой. Ну а если будете продолжать поиск, то запомните — ищите Цамаладзе или Цамалаидзе!..

В Москве обращаюсь в Архив Министерства обороны СССР и получаю справку: Евстафий Михайлович Цамалаидзе проживает в Тбилиси по улице Камова...

Весной мы встретились.

— Валико прилежно учился в Тбилисской средней школе № 7. В армию его призвали из института. Он был в летной школе, когда началась война... — начал свой рассказ Евстафий Михайлович.

Он бережно хранит два боевых ордена и медаль погибшего сына.

— А вот орден Красной Звезды почему-то не прислали, — тяжело вздыхает старик. И надолго замолкает: ему и сейчас тяжело говорить о погибших сыновьях...

Старый коммунист, Евстафий Михайлович немало потрудился на своем веку. Во время войны председательствовал в исполкоме Тбилисского райсовета, а после смерти младшего сына, Георгия, уехал в родной район, где также был избран председателем райисполкома. Последние годы трудился на мебельной фабрике.

Мать Валико, Сония Алексеевна, не перенесла горя и вскоре после гибели Валико умерла.

Вот и вся невыдуманная история о грузинском юноше Валико Цамалаидзе, отдавшем жизнь за нашу прекрасную Родину.

ЛЕТЧИК ПОЛОЗЕНКО

Авиационная школа окончена.

Снимаю три ромба с выдавшей виды комиссарской кожанки и прикрепляю два новеньких квадрата *, а на рукава — вышитые серебром распластаные крылья — воплощение давней мечты о полетах. Через день уже еду в Киев, где стоит в лагерях 24-я эскадрилья имени Владимира Ильича Ленина, в которую назначен летчиком.

За окнами вагона тянутся цветущие поля Украины. Что ждет меня на новом месте? Как пойдет служба? Эти мысли переполняют меня чувством радости, ожиданием чего-то большого и значительного.

Никогда раньше не был я столь счастлив, как в то раннее утро. Я видел много рассветов, но то утро всегда представляется мне каким-то особенным.

Помню, как остановился поезд, как я вышел из вагона и метеором пронесся по перрону...

Утренняя прохлада еще не сменилась жарой. Я бодро шагаю по накатанной до блеска грунтовой дороге поселка Чоковка, любуюсь чудесной окраиной Киева. «Вот бы где пожить», — думаю, глядя на укрытый вишняком домик, и, просунув сквозь частую руку, срываю спелую черешню.

В безоблачном небе, как потревоженные пчелы, жужжат самолеты. Провожая их завистливым взгля-

* Три ромба на петлицах командира Красной Армии равнозначны были должности командира корпуса.

дом и торопливо направляюсь в сторону взлетающих истребителей. Вот и зеленый ковер аэродрома.

На траве, у палатки, сидят молодые парни. Хотя одеты по-разному — одни в засаленных спецовках, другие в гимнастерках, иные в майках и трусах, — я все же безошибочно узнаю: мотористы! В ожидании улетевших самолетов они за беседой коротают время томительного ожидания.

В середине — рассказчик.

По взрыву дружного хохота догадываюсь, что разговор идет о чем-то смешном. Спрашиваю:

— Где двадцать четвертая эскадрилья?

— Здесь, — отвечает рассказчик. — А вам кого?

— Комэска.

— А-а, бородку! «Черномор» парит где-то за облаками... Вот-вот должен опуститься на нашу грешную землю.

Послышался нарастающий гул моторов. Чей-то голос возвестил:

— Приготовиться к приему аэропланов!

— Бибилов всегда готов! — становясь на ноги, крикнул рассказчик. — А вот и наши! — обращаясь ко мне, дружелюбно сказал он, показывая на подлетающую группу самолетов.

Ведущий энергично накренил машину, и тут же левая половина стреловидного строя откололась и перешла в правый пеленг. Затем командир с крутым разворотом пошел на снижение, а ведомые, растягиваясь на одинаковые дистанции, точно гусята за матерью, начали заходить для посадки.

— Просись в наш непобедимый, — посоветовал Бибилов. — Жалеть не будешь, это уж как пить дать...

— Непобедимый, говоришь? Ваш отряд участвовал в гражданской войне? — заинтересовался я.

— Да нет! — смутился Бибиков. — Мы занимаем первое место по футболу... Непобедимы пока только на футбольном поле... — И он быстро направил разговор в другое русло: — Видишь, рулят с надписями на фюзеляжах. Вот «Юзовский шахтер» — этого красавца купили юзовские шахтеры на свои трудовые... За ним топают «Незаможник Полтавщины», а далее — «Пролетарий Днепропетровска». О чем это говорит? О том, что каждый самолет нашей эскадрильи имеет свою биографию, свое социальное происхождение и свое имя...

Чувствовалось, что Бибиков настроился знакомить меня со всем семейством эскадрильи. Но, увидав «Червоний уманец», он бросился к явно «своему».

На самолетной стоянке я представился командиру эскадрильи Нусбергу. Он не спеша прочел предписание, любовно ощупал свою золотую бородку и, убедившись в ее невредимости, глянул на меня.

— Значит, так, — протянул он. — Пойдете в третий отряд к Соболевскому. Аэроплана пока не предвидится, но летать, пожалуй, можно будет... — Помедлив малость, добавил: — За летнаба!

Не теряя надежды получить хотя бы один самолет на двоих, спешу в третий отряд.

Соболевский — худощавый, подвижный, лет под тридцать человек с бритым подбородком и живыми глазами — принял меня без радости. Почесал затылок, повторил слово в слово сказанное Нусбергом и без печали отослал в распоряжение командира звена Полозенко.

Непосредственного своего начальника я нашел у самолета «де хэвиленд». Он стоял, скрестив на груди обнаженные до локтей богатырские руки, дымил трубкой с загнутым вниз мундштуком. На левой руке его — синяя татуировка: дракон. На вымытой дож-

дями и высушенной солнцем гимнастерке боевой ордена Красного Знамени.

Я отпрапортовал, как того требовал воинский устав, и ждал ответа. Но комзвена, точно отлитое из металла изваяние, стоял не шелохнувшись, продолжая задумчиво смотреть куда-то мимо меня.

Я громко кашлянул и снова замер, как «соляной столб» из библейского предания. Наконец Полозенко очнулся, глянул на мои с иголочки бриджи, на желтые, с крагами, начищенные ботинки. Пренебрежительная гримаса застыла на его загорелом лице. Он повернулся и, стиснув в зубах мундштук, сладко зачмокал губами.

— Н-да-а-а, такого ще не бачив, — не разжимая рта, пробасил он с каким-то сожалением и снова затянулся.

Мое радостное настроение изменилось неожиданно и круто. Казалось, еще минута — рухнут мои планы быть летчиком, ради чего я без сожаления снял кровью и потом заслуженные ромбы.

— Ой, лишенько!.. Спорю, що ни механиком, ни моторягою не робыв! Ну кажи, що я ошибаюсь, кажи! — непререкаемо допытывался Полозенко.

— Нет, не ошибаетесь! — ответил я.

— Я так и зная, що ты интеллигент, — воскликнул он тоном провидца. — Мэнэ нэ проведэш!

— Я из политработников... Но раньше был слесарем. Гражданскую начинал красногвардейцем. Воевал против атамана Дутова. Работал в военной контрразведке Первой революционной армии. Был комиссаром Орловского полка 15-й Инзенской дивизии, комиссаром Высшей воздухоплавательной школы в Ленинграде, — произнес я, чеканя каждое слово.

— Слесарь? — удивился Полозенко. — З того б и

начинав, чертяга! — Он протянул мне руку и, как в тисках, зажал в ней мою ладонь.

Самолетов в ту пору не хватало. Счастливы, за которыми они были закреплены, шли на все, лишь бы не утратить свое сокровище: отказывались от летных отпусков, возвращали санаторные путевки, не обращались к медикам за помощью, когда недомогали, на глубокую осень переносили свадьбу...

Еще в Ленинграде я увлекся антирелигиозной пропагандой — в авиационном училище посещал вечерний антирелигиозный семинар. Прилежно изучал древнюю историю, естествознание, читал Дарвина, любил химию. Небольшой ящик с химическими реактивами я прихватил с собой и в Киев. По случаю дня Ивана Купалы мне представилась возможность прочесть лекцию по научному атеизму и сопроводить ее химическими опытами. Вечер удался.

— Переходи-ка, Тимофеич, в мою епархию, — как-то предложил мне командир первого отряда нашей эскадрильи Ляховицкий. — Определию тебя на персональный самолет — летай, сколько душе угодно.

— Чему обязан?

— Самолет из капитального ремонта получен... Понял? — многозначительно прищелкнул он языком.

Вскоре меня отвел в сторонку Полозенко, набил свою трубочку табаком, раскурил и, не вынимая ее из рта, процедил сквозь зубы:

— До мэнэ поганый слушок приполз, — сказал он и замолк на целую минуту.

Это тягостное молчание было мне неважно, а у Полозенко свой метод психологического воздействия на провинившегося.

— Ну як? — наконец спрашивает он через силу.

— Ничего не знаю, товарищ комзвена...

— Ты що, тикать задумав вид мэнэ?

Но бежать от Полозенко я не собирался — и потому, что Ляховицкий больше не заикался о самолете, и потому, что за это время много интересного наслышался о Полозенко. О нем ходили легенды...

— Полозенко? Так это же знаменитый кузнец! — услышал я однажды от механиков.

Прислушался.

Черноглазый, похожий на цыганенка паренек рассказывал прелюбопытнейшую историю, в которой фигурировал моторист Полозенко. Теперь я уж и не припомню, почему он тогда не успел рассказать ее до конца...

На исходе лета я познакомился с командиром истребительного отряда Александром Туржанским.

Саша, как называли его товарищи, летал на «Фоккере Д-11» и слыл первоклассным пилотом. Нас породнили возраст и любимая профессия, как невеста, избранная на всю жизнь. Нам по двадцать шесть, а позади целая вечность: легендарная история восьми героических лет молодой республики, рожденной революционной бурей. Туржанский часто вспоминал об участии в сражении под Царицыном, я — о кровопролитных боях Орловского полка у разъезда Колено под Воронежем.

Но вот прошли осенние маневры, меня командировали в Елисаветград строить аэродром, и я надолго расстался с 24-й эскадрилей. В году двадцать восьмом я слышал, что Туржанский успешно командует эскадрилей особого назначения и занимается исследованием проблемы: возможно ли эффективно вести огонь по наземным целям с бреющего полета? Туржанский дал ответ: «Да, возможно и нужно!» И как знать, может, это тоже легло на чашу весов, когда

решался вопрос о создании совершенно нового рода авиации под названием — штурмовая.

Так начинался наш путь в небо. С той славной поры прошли десятилетия. Мы стали участниками грандиозной стройки коммунизма, торжественно отпраздновали полувековой юбилей родной Отчизны, величие которой стало смыслом жизни моих сверстников. Прожитые годы посеребрили наши головы, но сердца наши остались молодыми. Александр Туржанский, генерал авиации, преподает военное дело в одном из вузов столицы. Яков Бибиков, генерал-лейтенант инженерно-технической службы запаса, работает в научно-исследовательском институте. Ляховицкий трудится в совете историков природоведения и техники на Украине...

— А комзвена Полозенко? — спросит читатель.

Ответить на этот вопрос помог мне недавний случай.

Я смотрел по телевидению «Оптимистическую трагедию» Всеволода Вишневского. И снова—в который раз—меня волновала героиня повести женщина-комиссар, так похожая на ту, которую я видел где-то в гражданскую войну.

«Кто послужил прообразом комиссара?» — задумался я, глядя на очаровавшую меня артистку. Ответ нашел у автора «Оптимистической...»: «Когда она пришла к нам, матросам, мы ей сразу устроили проверку: посадили на моторный катер-истребитель и поперли под пулеметно-кинжальную батарею... Дасм полный ход, истребитель идет, мы наблюдаем за «бабой». Она сидит. Даем поворот, она: «Почему поворачиваете? Рано, надо еще вперед». И сразу этим покорила. С того времени дружба. Ходили в разведку. Человек показал знание, силу. Мы сначала не верили: «Пришла какая, подумаешь!»

К матросам Волжской флотилии в 1918 году пришла двадцатитрехлетняя писательница Лариса Рейснер, она и стала прообразом комиссара в «Оптимистической трагедии». Недолог был ее путь. В 1926 году тридцати лет Лариса Михайловна умерла. Но память о ней живет.

Я открываю ее книгу и читаю написанное в первые годы гражданской войны: «Полозенко — это огромного роста матрос, тяжелый, медленный, с темным лицом и темными волосами...

За столом невольно замечаются его большие молистые руки. От локтя до кисти на его загорелой руке синее выжженный японской иглой изящный и грозный дракон. Полозенко — летчик, и, когда он поднимается на своей разбитой, никуда не годной машине, возле которой белеют клубики шрапнели, его рукава засучены, и, обвеваемый бурей, облитый солнцем, гонимый безумством храбрых, он видит на руке непреклонное маленькое азиатское чудовище, ожившее, с клубящейся разверстой пастью и занесенным, как кинжал, острием хвоста.

Тогда Полозенко смеется, ветер срывает с его губ этот смех, и далеко внизу рвется брошенный им чугун...»

Читаю эти строки, а память из глубины полувека воскрешает знакомый образ летчика. Где он теперь? Вспомнил кем-то принесенную весть, будто Полозенко после долгих тревог распрощался с авиацией, причалил к семейной пристани и «окопался» в столице. Я отложил книгу и решил попытать счастья.

О радость! В моих руках справка: Полозенко Петр Тимофеевич, 1891 года рождения, проживает в Москве, Чистые Пруды...

Открыл дверь человек с тронутыми сединой воло-

сами, но еще крепкого сложения. Он долго присматривался ко мне и наконец заулыбался:

— Конечно, что-то осталось в тебе, но... не то!

— Не будем придирчивы, — обрадованный встречей с товарищем, ответил я.

После долгой разлуки нам было о чем вспомнить...

— Эка, набрехал цыган! — смеясь, воскликнул Полозенко, услышав от меня версию о его первом полете. И он рассказал подлинную историю о том, как он, будучи мотористом, стал летчиком.

— Это было в 1916 году, летом, мы стояли в открытой бухте у местечка Плотаны. Однажды поступил приказ на разведку, а господа офицеры гуляли в Трапезунде. Что делать? Дежурил по отряду мой летчик, прапорщик Негиревич. Он приказал мне подготовить самолет, сам, говорит, полечу. Но самолет не оторвался от воды, и Негиревич, расстроенный, подрулил к причалу, вылез из машины и начал песочить меня.

— Безобразие! — говорит.

— С похмелья, должно быть, Сергей Селивестрович, — объясняю ему.

— Кто с похмелья?

— Самолет, ваше благородие... Но я бы смог...

— Попробуй! — буркнул Негиревич.

— И попробую!..

Я сел в самолет и порул. Негиревич: «Ты что, с ума спятил? Вернись, приказываю!» Машет рукой, беснуется... А я будто не слышу, даю полный газ. Самолет набирает скорость, отрывается и пошел на подъем. «Сам он взлетел или я что-то делал?» — думаю, не веря тому, что произошло.

Я много раз поднимался с Негиревичем и хорошо знал, что надо делать на взлете и на подъеме. И теперь, когда самолет оторвался от воды и с задран-

ным носом полез на подъем, даю ручку от себя. Но аэроплан не слушается меня. Мотор ревет, а самолет, как дохлая шкаца, — еле-еле. Ну, думаю, пропал! Сейчас вместе с аэропланом рухну в море. Оно так бы и случилось, если б не решился умирать с музыкой: самолет, потеряв скорость, клюнул и начал беспомощно валиться на крыло. Тут я и поднажал ручку до отказа от себя. Это и спасло.

Сел. Подчалил к берегу, навстречу спешит Негиревич.

— Господин прапорщик! Ваше приказание выполнил, самолет опробован! — доложил я своему командиру.

— Поздравляю, Полозенко! — сказал Негиревич и добавил, хмурия брови: — Если генерал за самовольство не предаст тебя военно-полевому суду — будешь летать...

Вот, оказалось, как Полозенко стал летчиком. В дальнейшем он прошел суровую школу жизни: летал на разведку турецкого флота и не раз был обстрелян вражескими истребителями и зенитной артиллерией кораблей; боролся с грузинскими меньшевиками и был арестован; сидел в крепости; побывал в немецком плену и в камере смертников... Выжил. Лишь в 1918 году судьба забросила его в Астрахань. Там он добровольно вступил в воздушный дивизион Волжской флотилии.

— Своими руками я собрал для себя самолет М-9, кое-что для старенького мотора раскопал на свалке, — вспоминал Петр Тимофеевич.

Весь 1919 год красвоенлет Полозенко «на своей разбитой, никуда не годной машине, возле которой белели клубики шрапнели», висел над расположением вражеских частей. Он не знал покоя, летал, сколько требовалось, и на разведку и на бомбомета-

ние. Летал один, без летнаба — его вес восполняли бомбы, и «тогда далеко внизу рвался брошенный летчиком чугун».

— На горизонте появились вражеские корабли! Выручай, Полозенко! — говорит командующий флотилией, и летчик Полозенко летит им навстречу.

— У села Михайловское кавалерия. Лети, Полозенко, и узнай, что за конница, куда нацелилась! — приказывает начальник обороны района.

«Смотрю, кавалерия сгрудилась у поселка Михайловское. Не ожидали. Бросаю осколочные бомбы, белогвардейцы, как тараканы, расползаются по дорогам, в самом поселке тоже паника...»

...Два полка красных точно в воду канули... И если бы не своевременное донесение Полозенко о том, что наши пехотинцы зажаты в клещи, — неизвестно, чем бы это кончилось...

Да, потом и кровью дался Полозенко орден боевого Красного Знамени. И мне понятен восторг отважной Ларисы Рейснер, написавшей строки о матросе «с темным лицом и темными волосами».

Уволившись из армии, Петр Тимофеевич продолжал работать летчиком гражданской авиации. Он один из первых, кто прокладывал воздушную трассу из Москвы в Иркутск... Много добрых дел совершил мой старый друг Полозенко!

„БЕС“

Тихое летнее утро.

Солнце только-только показалось на чистом горизонте, луга еще блестят росой, а я уже пересек сонный Елисаветград и, вдыхая прохладу, медленно поднимаюсь на вершину пологого холма, за которым мы строим военный аэродром.

В раздумье о грядущем дне я не прошел и половины пути, как увидел бегущих баб. Размахивая руками и обгоняя друг друга, они быстро приближались ко мне.

Я плохо знал украинскую речь, но по отдельным, доносившимся до меня фразам понял — женщины чем-то перепуганы.

«Уж не беда ли на стройке? — забеспокоился я. — Одних грабарей ведь более пятисот... Цыганским лагерем расположились они вместе с женами и детьми. А котельщики вручную устанавливают тяжелые металлические фермы... На стройке всяко бывает!..»

— Что случилось? — спрашиваю поравнявшуюся со мной женщину.

— Бис! Шоб его, нечисту силу, громом разбыло!

Женщина в отчаянии махнула рукой и, не останавливаясь, побежала дальше.

В те далекие теперь двадцатые годы еще господствовал дурман религиозных предрассудков, многие еще верили в нечистую силу, чертей и домовых. И все же — бес в поле, поутру...

Но вот со мной поравнялись еще две бегущие женщины. Я остановил одну из них.

— Своими очами бачила биса, — одергивая подоткнутую посконную юбку, утверждает она.

— Что за вздор, какой может быть бес? — возражаю ей. — Да ты толком Расскажи, в чем дело?

— З нэба, на аэроплани... Аэроплан упав набик, литак пид аэроплан, ему ногу й защемыло... А вин одирвав свою ногу тай запрыгав по полю... Чоловик не може одирваты соби ногу...

«Бес с оторванной ногой?» — это уже смешно. Спрашиваю:

— Ну а дальше, дальше что?

Наконец мне удалось кое-что уловить из торопливой и потому бестолковой речи перепуганной женщины. Окучивая картофель, они вдруг увидели садившийся рядом самолет. Прокатившись малость, самолет развернулся и пошел прямо на женщин. Те — «о, господи, спаси нас» — и врассыпную. Но в это время самолет наскочил на что-то, рванулся с такой силой, что сидевшего в нем пилота выбросило из кабины, и он каким-то образом угодил под самолет.

Лежа на земле с прижатой шасси ногой, «бес» якобы оторвал свою собственную ногу и как ни в чем не бывало запрыгал на одной ноге.

Я поспешил на пригорок и вскоре увидел накренившийся самолет. Подхожу ближе. «Бес» в кожаной куртке и в кожаном шлеме, с разбитыми стеклами летных очков и с дымящейся папиросой в зубах стоит на одной ноге, облокотившись на крыло самолета. А возле — у разостланной на траве инструментальной

сумки — человек в синем комбинезоне сосредоточенно что-то ремонтирует.

В «бесе» я признал заместителя командующего ВВС Украинского военного округа, бывшего венгерского летчика Ганса Киша. Я не был близко знаком с Кишем, но был наслышан о том, что он прекрасно летает на всех типах боевых самолетов, имеет репутацию безукоризненного по технике пилотирования летчика высшего класса. Правда, ходил он чуть прихрамывая, но мне, как и моим товарищам по эскадрилье «Ильич», в которой я служил, и в голову не приходила мысль о том, что у Киша не было одной ноги.

Я представился.

— Маленькая чепуха...

И Киш рассказало случившемся с его самолетом...

— Будем немного обождать — мой механик мастер на все руки...

— Мастер на все ноги... — сострил механик и, разогнув спину, торжественно преподнес Кишу исправленный протез. «Мастер на все ноги» смахнул со лба капли пота и стал собирать инструмент. — В коленном шарнире заело, надо бы смазать, да нечем...

Приняв протез, Киш привычным движением пристегнул его, встал на обе ноги, сделал несколько пробных шагов и, надевая фуражку, сказал, стараясь выговаривать каждое слово:

— Теперь все будет очень хорошо.

Вместе с механиком осмотрели шасси самолета. Все оказалось в порядке.

— Пойдемте. Будем смотреть аэродром. Проект — есть бумага, а я желаю видеть аэродром своими глазами.

Мы пошли. Прихрамывая, Киш обратился ко мне:

— Скажите, чему должна быть равна площадь

летнего поля, если пробег самолета «де хэвиленд» составляет девяносто метров?

Меня не смутил профессиональный вопрос Киша, и я ответил по известной формуле, которую хорошо знал со школы летчиков.

— Будем благоразумны, заглянем так эдак лет на двадцать — тридцать вперед — не придется ли нам просить Совнарком СССР о прирезке земли? Может быть, уже сегодня следует подумать о взлетных и посадочных качествах самолетов будущего?

— Это верно, — согласился я, — тем более что недостатка в земле мы пока не испытываем... Можно и прирезать...

Киш улыбнулся.

Биография этого замечательного человека заслуживает того, чтобы ее узнал читатель...

Ганс Карлович Киш участвовал в первой мировой войне, был ранен, ему ампутировали ногу, но он стал ходить на протезе, а затем и летать.

В 1919 году Киш принимал самое активное участие в Венгерской революции. После жестокого ее подавления уехал в Советскую Россию, чтобы здесь сражаться за счастье своего народа.

Вот что рассказывает о нем бывший командир авиационного отряда Южного фронта генерал ВВС Советской Армии И. К. Спатарель:

«С Кишем я познакомился в начале 1920 года при довольно-таки странных обстоятельствах.

Однажды я услышал на аэродроме шум. Дверь отворилась, и вместе с клубами морозного воздуха ко мне ворвалась группа мотористов, окружившая враждебным кольцом какого-то человека.

— Товарищ командир! — докладывает мне один из мотористов. — Только я ударил по «мандолине» (так

в ту пору называли костыль на самолете «Ньюпор»), а этот тип подкрался да как трахнет меня, аж шапка слетела... Должно быть, контра... Вот и привели до вас.

— В ЧК его... Видать, и правда, контра... — подержал его державший «подозрительного» за руку.

Незнакомец в самом деле выглядел необычно: сердитое лицо, меховая шапка с кожаным козырьком, драповая, хорошо сшитая куртка с белыми костяными пуговицами, серые, тщательно отутюженные брюки навыпуск, начищенные остроносые штиблеты...

— Вам что нужно было от моториста, гражданин? — спрашиваю его.

Затем аэроплан больно делает?.. Лоншерон ломает...

— А вы кто такой?

— Революционный летчик Киш, из Венгрии...»

Этот разговор Спатареля с Кишем происходил в гражданскую войну там же, где и я познакомился с ним в 1926 году.

Киш проявил незаурядный талант летчика на Южном фронте под Перекопом. Он летал на разведывательных самолетах «Эльфауге» и «Анасалъ», был любимцем отряда. Да и как было не любить отважного революционера — скромного, талантливого, а главное — большой души человека!

...Вместе с летнабом Добровым Киш летит на ответственное и опасное задание — фотографирование врангелевских фортификационных сооружений. Французские и английские инженеры сделали все, на что была способна их фантазия: соорудили крепостные стены оборонительного рубежа и долговременные — из железа и бетона — форпосты, вырыли глубокие траншеи с бойницами для пулеметов, поставили в укрытия тяжелые орудия.

Командующий фронтом Михаил Васильевич Фрунзе распорядился делать ежедневные аэрофотосъемки позиций противника: чтобы овладеть «неприступной крепостью», он должен был знать, чем располагает Врангель сегодня и каковы его замыслы на завтра.

Самолет Киша летит под нижней кромкой облаков. Высота восемьсот метров, побалтывает. Киш то и дело поглядывает то на землю, то на карту.

— Подлетаем, — говорит он в переговорную трубку, — видишь?

— Подвернем чуть вправо, пойдем вдоль линии обороны, — отвечает летнаб. — Как нога, Ганя?

— Своя отчен теплый, а деревянная мерзнет, — отвечает Киш.

Со стороны Каркинитского залива они ложатся на боевой курс. Море и перешеек во мгле. Но даже сквозь туман видно усердие иностранных инженеров — нещадно изрыта крымская земля! А вот и батареи морских и крепостных дальнобойных орудий, привезенных из Севастополя. Как будто нет конца проволочным заграждениям, бетонированным блиндажам и наблюдательным пунктам. Среди лабиринта фортификационных сооружений, как муравьи, копошатся крохотные фигурки в серых шинелях...

Наступают самые ответственные минуты аэрофотосъемки.

— Так держать! — говорит Кишу летнаб. — Начиная фотосъемку.

Испытанному в боях летчику еще не приходилось видеть столь сильную завесу смертоносного огня. Тут бы маневрировать, да нельзя — идет фотосъемка.

Закончив съемку, отважные летчики прошлись по тылам Врангеля — это дало тоже много важной развединформации.

Но вот «Эльфауге» садится на свой аэродром. Киш

и Добров докладывают о выполнении боевого задания. Летчики улыбаются, хлопают друг друга по плечу.

В штабе авиаотряда им сказали, что Фрунзе вызывает их к себе, хочет поговорить с ними лично.

— Поздравляю! Смелый полет, — сказал им Фрунзе. — Мы с земли наблюдали, как ваш самолет взяли в вилку орудий... Страшно за вас было...

В темно-серых глазах Киша вспыхнули искорки, щеки его зарумянились:

— Это с земли страшно, товарищ Фрунзе, а там наверху маленько можно работать...

В этот знаменательный день командующий фронтом М. В. Фрунзе украсил грудь отважного военлета Киша боевым орденом Красного Знамени.

Последний раз я встречался с Кишем в стенах академии ВВС имени Жуковского. Я — слушатель, Киш — преподаватель наук под скромным названием «Аэродромное дело». Он начал курс по собственному конспекту — учебников тогда еще не было, — и начал его с организации умственного труда.

«Революционный летчик Киш», как он сам называл себя, не дожил до наших дней, не увидел цветущую свою Родину — Венгерскую Народную Республику, о которой мечтал всю свою короткую, но полную героических дел жизнь.

ТОВАРИЩ МАЙОР

Тихая золотая осень Закарпатья. В мягком, чуть влажном воздухе пряный аромат деревьев и пожелтевшей листвы. Утренняя мгла тонкой молочной пеленой повисла над большим старинным городом. На поблекших листьях деревьев, точно хрусталинки, сверкает серебристая роса.

Уже утро, и город начал просыпаться, оживают улицы, откуда-то издалека послышался шум — предвестник людских хлопот и житейской суеты. Я иду от привокзальной площади к центру города. Иду медленно, порой останавливаюсь. Смотрю на памятник минувших веков — дома в стиле барокко с готическими порталами в стенах и окнами с обрамлениями средних столетий, диковинными фасадами, с фонариками редкой красоты, резными воротами с примкнувшими калитками.

Радуюсь тому, что пощадил гром неумолимо жестокой мировой войны: невредимы бесценные памятники старинной архитектуры — творения рук человеческих унаследуют потомки наши.

Прошел час, ярче заблестело солнце, свежий ветерок тихо спугнул туман, на обрамленном деревьями озере радостно заплясали солнечные блики. Радуюсь всему виденному, иду все дальше и дальше и вот наконец останавливаюсь на небольшой площади.

«Корчма рыцарей» — читаю потускневшие от времени латинские буквы на фасаде ветхого здания с остроконечной высокой крышей. Над входом два сильно постаревших амурчика, посреди сердцевидное изображение, пронзенное стрелой. С высокой башни пробил колокол — был час утреннего завтрака. Захожу в «Корчму рыцарей», чтобы совершить в столь экзотическом кафе скромную трапезу.

Скуки ради я стал поглядывать на развешанные по стенам бумажные картины в позолоченных, покрытых слоем пыли рамах: на траве лежит связка убитой птицы, стоят охотники в шляпах с перьями; тут и егеря с гончими собаками, и куртизанки на лошадях; охотники и поваленный тучный кабан; господский парк, в тени, под кроной могучего дерева, бары слушают скрипача, а на зеркальной глади озера милые барышни, протянув тонкие ручки, кормят белых лебедей. В глубине парка горбатый мост, а дальше — старинный замок.

Этим бумажным «шедеврам» по сто лет, хмельной посетитель не обращает на них ни малейшего внимания, но они честно служат хозяйке «Корчмы рыцарей».

Запоздалая осень... Однако ж сквозь пепел времени в городе начали пробиваться ростки нового, но обитатели этой харчевни по исторической инерции продолжают сосуществовать с «Корчмой рыцарей», с архаизмом картин.

...Как полые воды, пронеслись тридцать послевоенных лет. Не успел я оглянуться — голова моя покрылась сединой. Поредели ряды ветеранов. И вот я сменил штурвал самолета на перо.

Недавно я получил командировку в Закарпатье.

Снова иду по помолодевшим улицам знакомого города. Все та же красота зданий в центре, но дыхание минувших десятилетий окрасило в иной цвет окраины

города. В тех местах, где стояли домишки с остроко-
нечными крышами, выросли многоэтажные, белые, как
лебеди, жилые дома. Прохожу новостройки, почему-то
захотелось посмотреть, что стало с «Корчмой рыца-
рей». Нашел то озерцо, хоровод деревьев, увидел
сказочный детский садик, а корчма точно сквозь зем-
лю провалилась.

— Скажите, пожалуйста, где-то здесь стояла
«Корчма рыцарей». Я не ошибаюсь? — обращаюсь к
древней старушонке.

Она остановилась, костлявыми руками опирается
на палку и с каким-то удивлением смотрит на меня
потухшими глазами.

— «Корчму рыцарей», значит, ищите? — старушка
покачала головой. Хотела идти дальше, но останови-
лась и палкой показала в сторону: — Там стояла моя
голубонька! Была да сплыла! — проворчала она и по-
шла дальше...

Увы! Улетели амурчики. На том месте, где стояла
корчма, красуется современное, из стекла и бетона,
красивое здание кафе «Улыбка».

Время было за полдень. Поднявшись по каменным
ступенькам на танцевальную площадку, вхожу в кафе.
Большой, светлый зал переполнен. Лишь в дальнем
углу, возле зашторенного окна, нахожу свободный
стул. За накрытым скатертью столом понуро сидит
майор. Голубые просветы полевых погон, распластан-
ные металлические крылышки на петлицах. В боль-
шой фарфоровой пепельнице гора окурков — свиде-
тельство того, что майор горюет здесь не первый час.

— Разрешите, товарищ майор, присоединиться к
вам? — обращаюсь я.

Но с его стороны ни малейшего внимания. Лишь
жадно затянулся дымящейся сигаретой.

Сажусь и ожидаю официантку. Судя по всему,

майору не весело. Он задумчиво смотрит в одну точку, будто спит с открытыми глазами. Я не стал беспокоить его.

— Здравствуйте! — приветствует меня официантка. В бледно-голубом платье, с белоснежной косынкой на голове, девушка кокетливо держит блокнотик, готовая принять заказ.

Пока я рассматривал зал, официантка принесла обед. Загремела посуда, и лишь тогда очнулся майор, хмурия брови и шевеля засохшими губами, себе под нос пробормотал непонятные слова, сунул окуроч в пепельницу и глянул мне в лицо. Затем посмотрел на колодку орденских знаков на моем пиджаке и наконец снова, но уже с большим, чем прежде, вниманием посмотрел на меня.

Майору было лет тридцать. Черные, как воронье крыло, волосы украшала чуть заметная седая прядь на аккуратно подстриженных висках. Я понимал, что это не печать легкомысленно прожитых лет, а драгоценный знак пережитых тревог и забот, скрытых в глубине его души. Мне вспомнилась незабвенная пора молодости, воскресли в памяти давно прочитанные слова: «Утро мая бывает в жизни только раз!»

«Да, когда-то и я был майором... Лучшие годы моей жизни принадлежали Красному Воздушному Флоту. Это была заря моей Отчизны, заря Советов, власти людей труда. В орлином строю мне посчастливилось совершить более десяти тысяч полетов, воспитать, обучить сотни авиаторов. В Отечественную войну довелось командовать штурмовой авиационной дивизией, лично выполнил несколько особо ответственных и трудных заданий командарма. Со временем я понял, что ратный труд таит настоящее, а не мнимое и не символическое солдатское счастье, не потому ли в этом тяжком испытании напряженного труда заложен

основной смысл нашего бытия. И что в том особенного или нового, если я, уходя в отставку, оставил свое сердце на вечное хранение таким вот майорам, с кем сижу сейчас за одним столом».

Не заговорить с майором я не мог. К тому же душевный настрой был таков, что не прикоснуться к белым металлическим крылышкам майора было для меня невозможно.

— О чем загрустили, товарищ майор?

Он вздохнул и молча взглянул на меня.

— Разумеется, если это не военная тайна или не семейный секрет, — добавил я в шутку.

Побарабанив пальцами по столу, майор внимательно посмотрел мне в лицо и, заметив на нем небольшой шрам, сочувственно спросил:

— Это что, память войны?

— Визитная карточка рассерженной жены: сгорячахватила сковородкой.

— Шутить изволите, папаша, — майор положил руки в карманы, вытянул ноги и чуть заметно улыбнулся. Потом долго и молчаливо рассматривал колодку орденских отличий на моем пиджаке, раскурил потухшую папиросу, глянул на часы и нахмурился больше прежнего.

— Так вот, дорогой мой человек, уж ежели говорить до конца — я скажу, почему мне не до шуток.

— Давайте вначале познакомимся. Я спецкор одного из журналов...

Майор поджал губы. «Этого мне только не хватало», — выражали его печально-добродушные глаза.

— С вашим братом язык держи за зубами. Такой портретик нарисуете, что и свою личность-то не признаешь.

— Не беспокойтесь, я не художник.

— А я не из трусливых, рисуйте себе на здоровье.

Меня попросту Петром называйте. Хорошо? Ну а теперь, если можете, послушайте мою исповедь и скажите, как бы поступили вы на моем месте. У вас огромный опыт, а опыт — самое ценное. Академию-то я окончил, но опыта пока маловато.

— Опыт — это упорный труд и время. Придет с годами, — говорю майору.

— У меня получилось так: без году неделю командовал звеном, окончил академию и получил эскадрилью. Новые самолеты, незнакомые аэродромы, не изученные люди. Вскоре начались проверки. День и ночь простреливаем небеса, из самолетов не вылазим, не то чтобы подумать о семье —дохнуть не было времени.

Наконец пришел долгожданный выходной, с женой собрался в город, чтобы проверить очередь на покупку мотоцикла «Иж» с коляской: неистово мечтали о путешествии. Туризм — страсть нашей ранней молодости, теперь же он казался нам реальным наслаждением ближайшего моего отпуска.

Больше, чем денег, скопилось планов: мне хотелось поехать боевыми маршрутами моего отца. Он командовал штурмовой авиадивизией, освобождал Варшаву, Познань, Замтер, брал Берлин. Но жена нацелилась на Забайкалье — мой отец еще до войны служил там в частях ВВС, целыми вечерами рассказывал о диковинном крае России. Жена спала и видела это чудо природы. Пришлось уступить. Вначале решили ехать навстречу солнцу, поклониться Дальнему Востоку, побывать на могучей Ангаре, посмотреть уникальное озеро Байкал.

Он продолжал говорить, а я сидел и думал о семи годах, прожитых в том суровом крае. Вспомнил незабываемые годы первой пятилетки и начало коллективизации сельского хозяйства страны, подъем науки и культуры, становление нового образа жизни советских

людей. Передо мной вновь и вновь громоздились окружавшие наш аэродром хребты, поваленные на их склонах и обрывах деревья, долина реки. Память хранила полуразвалины зерентуйских каторжных тюрем — женской и мужской с камерой номер семнадцать, в которой сидел большевик Емельян Ярославский, многие революционеры там были заживо погребены. Больно щемило сердце, когда смотрел я на каменные плиты, под которыми покоились останки декабристов и их жен — тех чистых душой аристократок самодержавной столицы, кои велењем возвышенной любви обрекли себя на страшные муки и гибель.

В Забайкалье я рос, как растет пересаженное из умеренного в холодный климат зрелое дерево. На почве вечной мерзлоты формировался и креп мой характер. В освоении Забайкальского «плацдарма» есть и доля моего труда: мы летали при сорокаградусных морозах в открытых кабинах, а жили в землянках, где по ночам замерзала в кадках питьевая вода. В жестокие морозы одевались в комбинезоны, меховые унты, кротовые маски и были похожи на пришельцев с ледовой планеты. Это был БАМ начала 30-х годов.

— Простите, я не наскучил вам? — майор заметил мое сосредоточие и смолк.

— С большим вниманием слушаю вас, товарищ майор. Рассказывайте, рассказывайте!

— Так вот, мы хотели ехать в город, но последовал звонок из штаба полка. «Город отставить! — говорю жене. — Поедем в другой раз». Она ворчит, а я оделся и бегом в штаб. Замечу, между прочим, в нашем полку традиция: сбор не сбор, форсированным аллюром все, кроме жен и детей.

— Хорошая традиция, — отозвался я.

— В кабинете комполка — генерал, собрались штабники, комэски. Я представился и занял свое место.

«В чем дело?» — спрашиваю соседа. Но в это время поднялся генерал:

— Я собрал вас в неурочный день и час. Время не терпит!..

Словом, начались окружные учения.

Майор пододвинул свой стул к моему, облокотился на стол, заглянул мне в лицо и как бы спохватился.

«Уж не сболтнул ли чего лишнего?» — выражало его смущенное лицо.

— Вы можете подумать, что я перехватил лишнего и несу черт те что?

— Напрасно, уверяю вас, майор, напрасно, — отвечаю я.

— Благодарю. Тогда хорошо. Учения прошли без серьезных замечаний в адрес моей эскадрильи. Объявили благодарность. У меня выросли крылья, не ходил, а летал я над землей. Шутка ли, эскадрилья заняла первое место!

Майор довольно откинулся на спинку стула, глотнул из стакана недопитое пиво, снова закурил, помолчал самую малость, продолжал:

— Прошла неделя. Снова звонок из штаба полка. «Явился по вашему приказанию», — докладываю своему полковнику. А он улыбается и, пожимая мне руку, говорит: «Являются только святые, а мы с тобой грешники. Только что я вернулся с совещания, приятную новость привез. Генерал остался нами доволен. Отметил четкое исполнение заданий летчиками твоей эскадрильи, приказал передать личную благодарность всем участникам учений, а кроме того, обещал подарить цветной телевизор младшим специалистам и узкоплечный киноаппарат, а комэску, говорит, подброшу такое, чтобы было чем вспомнить эти учения».

— Служу Советскому Союзу! — отчеканил я.

— Служи, служи, да только не забудь передать своим молодцам, что я тебе сказал.

Из штаба зарулил к ребятам. Дневальный докладывает как положено, а у меня в голове радостные слова полковника. Собрал своих орлов. Так, мол, и так, велено передать. Сказал о подарке. А они в один голос: «Ура-а-а!» Подхватили и качают меня. «Стойте! Не по уставу!» — кричу им, а они свое...

Через неделю смастерили такой столик под телевизор, что и в антикварном не сыщешь! Откуда такие умельцы берутся? Диву даешься! А какую антенну воздвигли — чудо: чуть ниже Останкинской башни, но красота-то какая. Заглядение! — сказал майор и улыбнулся.

— Промелькнула еще неделя, другая, третья, а обещанного подарка нет и нет. «У генерала дел и без нас хватает... успеем, не волнуйтесь», — комсорг успокаивает солдат. Через месяц замечаю косые взгляды подчиненных. Иные стараются не замечать меня.

— Кричать «ура» перестали? — пошутил я.

— Перестали. Главное — перестали мне верить. Нарушилась гармония армейского быта. Вместо души заработал какой-то механизм — люди все те же, а сердца их охладели. Сегодня после проверки глянул на стол телевизора, а на нем большой знак вопроса — намек, будто их обманули. Ну, думаю, пришел конец и моему терпению, от злости чуть не лопнул. Повернулся, молча вышел из помещения и прямо к полковнику, но пока шел — остыл. А ведь мог бы сгоряча наговорить лишнего. У меня это, к сожалению, бывает. Думаю, что делать, как сберечь авторитет командира и не упасть в глазах подчиненных? Разные мысли бродят в голове. Наконец решил — будь что будет! Забежал домой, тайком от жены взял сберкнижку, получил деньги, сел в такси — и в магазин культтоваров.

Купил цветной телевизор, выбрал узкоплечный киноаппарат и обратно в гарнизон.

— Забирайте, — говорю ребятам, вот он, долгожданный. Напрасно волновались. Устанавливайте телевизор, а я на радостях зайду в кафе «Улыбка». — Сдерживая волнение и слезы обиды, вышел из общепита.

— Жест благороднейший! — похвалил я майора.

— Благороднейший, говорите? — язвительно воскликнул он. — Да как же это так? Я обокрал семью, лишил жену и дочку возможности осуществить давнюю мечту о путешествии. И это вы считаете благородным поступком? — голос майора оборвался, краска на его розовых щеках сменилась пепельной бледностью.

— Прошу прощения! — майор резко повернулся, схватил и до боли сжал мою руку. — Вы намного старше меня, у вас богатейший опыт, скажите, как бы вы поступили, будучи в моем положении? Мои ребята наслаждаются цветным телевизором, налаживают киноаппарат, а вот я сижу здесь и думаю, как оправдаться перед женой, что скажу дочке, что надо сделать, чтобы не подорвать ее доверие к отцу? Да, я спас честь командира, но и разрушил надежду жены. Имел ли я на это моральное право? Как вы думаете, а?..

Майор горемычно продолжал терзать себя, а я тем временем посматривал в просвет зашторенного окна и придумывал, чем бы утешить без вины виноватого офицера, славного отца маленького семейства...

И вдруг подкатил к подъезду кафе автомобиль, поспешно вышли двое военных. Не прошло и минуты, а сержанты с голубыми погонами стояли навтыжку у нашего стола:

— Товарищ майор, разрешите обратиться?

— Что случилось? — спрашивает майор.

— Полковник приказал доложить, что приехал генерал, привез цветной телевизор и киноаппарат для нашей эскадрильи, а для вас, персонально, пригнали «Запорожец». Так что торопитесь, начальство ждет.

СОДЕРЖАНИЕ

ТАЛГАТ — ВНУК БЕГЕЛЬДЫ	2
САМ ПОГИБАЙ, А ТОВАРИЩА ВЫРУЧАЙ	16
ДЕВУШКА ИЗ АУЛА	20
ВМЕСТЕ С ТАНКИСТАМИ	32
ВАЛИКО	50
ЛЕТЧИК ПОЛОЗЕНКО	63
«БЕС»	75
ТОВАРИЩ МАЙОР	83

Вячеслав Арсеньевич ТИМОФЕЕВ
ДЕВУШКА ИЗ АУЛА

Главный редактор А. АРИСТОВ

Литературный редактор Г. Ильяина
Художник М. Буткин
Художественный редактор В. Иванов
Технический редактор Р. Углова

Адрес редакции: 123831, Москва, ГСП, Д-7, Хорошевское шоссе, 33.
Сдано в набор 11.03.80 г. Подписано в печать 04.04.80 г.
Г-31761. Формат 70×108^{1/2}. Бумага типографская № 2.
Кг. 10 литературная. Высокая печать. Печ. л. 3.
Усл. печ. л. 4,2. Уч.-изд. л. 3,844. Тираж 75 000 экз.
Изд. № п/6536, Зак. 342. Цена 10 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство Министерства обороны СССР
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Сковорода-Степанова, дом 3

Цена 10 коп.

72991

